
Electronic

ЭЛЬДАРСАЛАВАТОВ

ОЛЕГЛАДОВ

Кривоно 3 А К А Т

SOVEXPORT
DREAM

КРАСНОЯР
ПЛИНКИ

Эльдар Салаватов

Кровь. Закат

«Автор»

Салаватов Э.

Кровь. Закат / Э. Салаватов — «Автор»,

Из архивов отдела ***. 25 мая 2017 года...написано по стенограммам контакта с майором Кровником. Сеанс связи проводил руководитель отдела *** Кузьмин. Проводником к сознанию был агент Пронин. Кровник объяснил, что его заданием было доставить оружие в Москву. Во время выполнения задания, Кровник попал в пещеру сна. Для самого Кровника это его последний сон, он длится несколько секунд в гаснущем сознании – но в самом сне много лет ведёт бой с монстрами, которые пытаются прорваться в пещеру. Спустя полчаса, после выхода на связь, контакт с майором был прерван, связь заблокирована бессмертными. Кузьмин дал задание, найти сильного медиума, чтобы ещё раз обнаружить расположение Кровника и освободить душу его, и той, что с ним. После завершения контакта, Кузьмин отключился на несколько секунд и произнёс: – «По лезвию сна пылающей империи, майор Кровник ведёт ту единственную, что разбудит его. А потом и весь мир.» Сам Кузьмин не может объяснить, откуда пришли к нему эти слова.

© Салаватов Э.

© Автор

Эльдар Салаватов, Олег Гладов

Кровь. Закат

Битое стекло.

Мелкое крошево.

Оно повсюду – искрит в лучах тактических фонарей. Хрустит под подошвами. Словно кто-то ходил тут с ведром битой стеклотары и сыпал горстями.

Перевернутый стол.

Столешница излохмачена автоматной очередью. Скорее всего, не одной. Стол – плохая защита от 5.45. Тот, кто за ним спрятался, наверное, даже не успел этого понять.

Запах. Этот запах.

Запах свежесдохшей собаки.

Что за день-то такой?.. Все не так. С утра все не так...

Кровник понимает, что все ждут его дальнейших указаний. Блестят глазами из-под черных беретов. Раздувают ноздри.

Запах. Этот запах. Заставляет дышать ртом, показывая зубы.

Кровник жестом приказывает группе двигаться вперед, к дальней от них стене этого гигантского подземного куба с бетонными стенами. В лучах фонарей виден пар, вырывающийся из их ртов: система отопления не работает уже несколько часов.

Пугач идет первым номером. Потом Луцик и Саморядов. За ними Кровник и Сахно. Остальные следом.

В этом гулком пространстве, в мечущемся нервном свете их фигуры, упакованные в бронжилеты, выглядят квадратными несгораемыми шкапами. Бронированными сейфами.

Так и есть – шкафы. Амбалы.

Когда Кровник был молодым, его все считали повернутым. Но эти повернутее его раза в три. Из спортзала не выгонишь: таскают железо часами. А выгонишь – будут стоять и часами же метать саперные лопатки в мишень.

Стреляют как роботы. Бац – десятка. Бац – десятка.

Недавно разогревал Пугача перед спаррингом, держал «лапы». Тот гасил с обеих рук так, что Кровник аж покряхтывал. Отсушил предплечья. Когда такое было, чтоб ему отсушили предплечья? Да никогда! Ох, и лоси!.. На руках с ними бороться бесполезно. Уложат на обе. Илиломают. Могут ведь. Луцик на общевоисковых какому-то морпеху сломал правую в прошлом году.

Откуда они такие берутся? Чем их мамка кормила? Или сами жрут что-нибудь? Химию какую-нибудь...

Пугач останавливается.

Все останавливаются. Замирают. Смотрят на большой предмет, лежащий на бетонном полу в перекрестии узких лучей света. Похоже на здоровенную хоккейную шайбу. Это дверь. Стальная круглая дверь в метр толщиной. Вырванная, как страница из тетради. Там, где она была, теперь черный симметричный провал.

Дыра в стене.

Им нужно туда, в эту дыру.

Повинуясь беззвучным командам, ныряют в нее один за другим.

Проникают в длинный коридор: вот оно. Место, где зарождается запах.

Кто-то бросил сюда из-за бронированной двери связку гранат. Криминалисты наверняка назвали бы это «фрагменты тел». Кажется, пятеро – точнее все равно не определишь. Бетон стен иссечен осколками.

И кровь.

Она повсюду.

Будто макнули малярную кисть в коричневую краску и забрызгали ею потолок, стены, пол, дверь.

Эта дверь на месте. Такая же круглая. Стоящая в своих петлях в вертикальном положении. Приоткрытая на пару сантиметров, ровно настолько, что можно различить узкую полосу непроницаемой тьмы за ней. Тускло блестит россыпь разнокалиберных гильз у металлического порога.

Кровник показывает: входим.

Большое гулкое помещение. Раскуроченные пулями серые металлические шкафы с циферблатами и ручками контролеров.

Разделившись, они быстро инспектируют эту большую подземную комнату. Проверяют один из боковых коридоров: кухня, несколько жилых комнат с застеленными кроватями. Пусто. Никого.

Кровник ныряет в следующий коридор, светит себе под ноги: кого-то тащили здесь. Кого-то истекающего кровью.

Сахно и он идут по этому следу, стараясь не наступать на смазанную бурую линию. След обрывается за ближайшим же углом. Человек в сером свитере и мятых коричневых брюках. Лежит ничком у стены, прижав руки к животу. Лысина в обрамлении жидких седых клочков. Мертв.

– Что ищем? – спрашивает Сахно.

– Найдем, тебе первому скажу. – отвечает Кровник, приподнимая ствол чуть выше и оборачиваясь на звук шагов: из-за угла выходит Пугачев.

– Товарищ капитан, мы там... – Пугач тыкает большим пальцем за спину. Он шмыгает носом и заканчивает вполголоса:

– В общем, там это...

– Все так плохо? – спрашивает Кровник уже на ходу.

– Да нет... – Пожимает плечами Пугач. – Как всегда...

Они быстро топают по коридору в обратном направлении, снова оказываются в зале, уставленном раскуроченными серыми шкафами, лавируют между ними и наконец, ныряют в еще один дверной проем.

– Ох ты!.. – Сахно, идущий за ними следом, выругался.

Видимо, охрана отступала, сюда уводя с собой персонал.

Кровник подсознательно отметил хорошо простреливаемый широкий коридор и несколько железобетонных колонн, позволяющих вести огонь из-за укрытия. Тактически все верно. Практически помогло мало. Вернее, совсем не помогло.

Здесь было месиво.

Лупили в упор из «калашей» друг в друга. Били кулаками. Рвали зубами.

Зубы. Эти зубы.

Его передергивает: столько лет, а никак не привыкнешь.

Груда тел.

Оборонявшиеся и нападавшие.

Люди и Нелюди.

Теперь их можно рассмотреть поближе.

Кровник видит, как неосознанно скалятся его бойцы. Сжимают свое оружие так, что побелела кожа под ногтями. Да. Он их понимает. Не каждый день...

День? Днем их не увидишь. Прячутся.

Нелюди.

Какое-то из их спецподразделений.

Черные легкие «броники», черная форма без опознавательных знаков, черные перчатки, черные маски на головах. У некоторых на глазах мощные светофильтры. Одежда их и на одежду-то не похожа в привычном понимании – все какое-то бесшовное, натянутое как чулок. Говорят, в этом они могут минут пять-десять бегать в предрассветной мгле пока солнце не появится над горизонтом...

Ни клочка кожи не видно, все спрятано. Только зубы наружу.

Не зубы – зубья.

Оскаленные в предсмертных гримасах рты.

Не рты – пасти.

Кровник медленно идет, перешагивая через трупы.

Их было раз в пять больше. Устлали своими черными телами весь этот хорошо простреливаемый коридор. Смяли охрану.

Разозлились, видать, по-настоящему: в ярости набросились на оставшихся в живых.

Вырывали кадыки. Откусывали носы и уши. Рвали людей на части.

Сволочи. Нелюди. Злобные взбесившиеся твари.

Кровник до конца не был уверен, что эти упыри вообще способны злиться или беситься. Они просто находятся в этом состоянии круглосуточно. Во всяком случае, он лично никогда не встречал невзбесившегося кровососа.

Кровник внимательно осматривается по сторонам.

Так... Всех перебили... Стали лютовать... Потом, судя по всему, забрали то, за чем приходили, и ушли.

Он смотрит на часы: пора и нам.

– Товарищ капитан! – откуда-то.

Сахно светит фонарем на голос. Из-за дальней колонны появляется один из новеньких, рядовой Рыбалко. Рыба.

– Товарищ капитан, посмотрите тут... – говорит Рыба.

Кровник и Сахно быстро идут к нему.

Еще одна круглая дверь в метр толщиной. Похоже, дверей с другими пропорциями здесь просто не предусмотрено. Единственное ее отличие от предыдущих – отполированная до зеркальной внутренняя поверхность.

И помещение за ней, за этой дверью, тоже зеркальное.

Пол, стены, потолок – все отражает свет их фонарей, многократно дублируясь и усиливая эффект. Они словно внутри капсулы. Внутри колбы термоса.

Здесь по-настоящему светло. Здесь все можно рассмотреть в деталях.

Пожилый мужчина в белом халате, лежащий навзничь. Левая половина лица его словно покрыта розовой гладкой резиной. Голая безволосая половина розового черепа. Вместо левого уха – съжившийся кусочек плоти. Кровник знает, что человек получил сильный ожог. Что он потерял левый глаз. Не сегодня. Двадцать лет назад. Кровник даже знает, как его зовут.

Смерть оставила на его лице странное выражение: он выглядит очень сосредоточенным. Его правая кисть расцарапана и вывернута под неестественным углом. Кровник качает головой – ломали пальцы.

Переводит взгляд вправо.

Вот эта сволочь ломала.

Единственный упырь в штатском. Горчичного цвета мешковатый костюм. Белая сорочка. Один коричневый ботинок слетел. Белый носок. Мраморный лоб без единой морщины, ровный нос. Глаза – черные провалы.

Лежит так, словно поскользнулся, ударился затылком и передумал встать. Теперь рассматривает себя, дохлого, в зеркальном потолке, открыв рот от восторга. Покрывшаяся коркой темная лужа под его головой – вместо подушки.

Кейс. Черный, чуть больше стандартного «дипломата». Пристегнут наручниками к его правому запястью.

Кровник видит, что белоснежная манжета упирается в ржавых пятнах. Он знает, что это не ржавчина. Это тонкие нити человеческой кожи и плоти. Содрал блестящий шипастый браслет с человеческой руки и защелкнул на своей.

– Оно? – шепотом спрашивает Сахно.

– Оно. – говорит Кровник.

Вчера выдвигались на полигон: пристреливали новую оптику, работали на полосе препятствий, отрабатывали вход в «адрес». Вернулись под вечер, ближе к ужину. Почистили и сдали оружие. Отпустил всех отдыхать, а сам потопал в штаб: наутро комбриг планировал кросс в полной снаряге.

За казармой поймал прапорщика с сигаретой. Сунул ему «в душу» пудовым кулаком. Забрал пачку, швырнул на землю и припечатал каблуком. Прапор закашлялся, держась за грудь. Аж присел от боли.

– Какого хера! – недовольно просипел он.

– В следующий раз увижу с сигаретой – вообще фанеру пробью, – спокойно сообщил Кровник. – В моей роте не курят. Я предупреждал?

– Так точно, – пробурчал прапор.

– Вопросы?

– Никак нет.

– Свободен.

Прапор отдал честь и исчез за углом. Кровник двинулся дальше: твою жеж мать! А потом дохнут на третьем километре марш-броска! Легкие свои выкашливают! Не охотники, а добыча!

Он вправлял здесь мозги уже третий месяц. Тридцать восемь человек из бригады готовятся на краповый берет. Из них можно было бы сделать взвод. Но взвод вряд ли получится: краповыми беретами из них станут максимум пятеро. Из этих пяти он выберет всего одного. Того, кто после специальных психологических тестов, *возможно*, нашьет на свой правый рукав шеврон с символом Команды «А». Черная «альфа» на черном поле.

Он уже поставил ногу на первую ступеньку штабного крыльца, когда услышал сзади торопливые шаги.

– Товарищ капитан! – окликнул его кто-то, запыхавшийся от быстрой ходьбы.

Кровник обернулся: сержант-срочник. Лицо знакомое. Кажется Петров.

Разрешите обратиться!

Разрешаю.

Товарищ капитан, вам приказано явиться на узел связи! Москва! Уже два раза звонили. По спецканалу. Приказано, как появитесь в расположении бригады, срочно вас найти.

Понятно... Вольно.

Есть!

Он глянул на окна комбрига. Пошел с сержантом в сторону узла связи.

– Ты Петров? – спросил Кровник.

– Нет... – сказал сержант, – я Александров...

– Чего сопишь? – Кровник смотрел на Александрова.

– Не знаю... – озадаченно ответил тот – Дышу... носом.

– Ааа... – понимающе кивнул Кровник. – Ну дыши-дыши...

Прошли еще метров двадцать.

– Нет, ты все-таки сопишь, – сказал Кровник.

Сержант промолчал.

Его проводили в отдельную комнату с несколькими одинаковыми телефонными аппаратами без дисков для набора.

– Слушай, – сказал Кровник связисту в лейтенантских погонах, – у вас тут чайку не найдется?

– Найдется – кивнул лейтенант – Вам с сахаром?

– Да. Две ложки.

Трыыыыынь! – один из аппаратов.

– Ладно, извини, не надо... – махнул Кровник.

Трыыыыынь!

Он подождал, пока лейтенант закрывает за собой дверь, и снял трубку:

– Капитан Кровник.

– здорово, Константин Васильевич...

Голос, долетевший сюда по кодированному каналу связи, и пропущенный через систему дешифраторов, был незнакомым.

– Здравия желаю, – ответил Кровник.

– Не узнаешь?

Кровник, подняв левую бровь, посмотрел на трубку и снова приложил ее к уху.

– Нет – ответил он, наконец.

– Паршков.

– Ооо! – Кровник ухмыльнулся. – здорово!

Лет пять назад он наконец-то выбил себе отпуск в начале августа и зарулил в Москву к Витьке Великану.

Витьба был челябинским двухметровым обалдуюем, который непонятным образом зацепился в военно-инженерной академии министерства обороны и осел в столице.

В 79-м их взвод участвовал в штурме дворца Амина. А потом они еще пару лет наводили шороху в горах на границе с Пакистаном.

– Костян! – завопил Великан, увидев Кровника, и сгреб в охапку, чуть не сломав ребра – Братуха!

Витька получил недавно майора. Он занимался какой-то статистикой и отъелся на столичной колбасе до состояния «человек-гора».

Вечером гуляли в ресторане с московскими друзьями Великана. Там-то они с Сергеем Паршковым и познакомились.

Паршков служил где-то в генштабе и пил как не в себя. Он знал миллион анекдотов и классно играл на гитаре.

Они втроем приговорили ведро водки и поехали к Паршкову, пить дальше. Паршков позвонил каким-то поварихам из «интуриста». Посреди ночи приехали девки крашенные перекисью с коньяком и кассетой группы «Комбинация». Они танцевали, подпевая магнитофону и тряся телесами. Кажется, двух из них звали Ксюшами, а третью Люсей.

– Здорова! – усмехается Кровник, – Не ожидал!

– Да я сам не ожидал! – говорит невидимый Паршков – Я сегодня с утра бумаги подписываю, смотрю: командировка на завтра. Старший группы сопровождения – капитан Кровник. Я думаю: ну не может же быть что это просто совпадение! Где еще найдется второй капитан Константин Кровник из спецназа?! Я сеанс связи заказываю – ты на стрельбах. Еще раз – опять нет. Я тогда вашему связисту приказываю: как появится – на узел! Срочный разговор с Москвой!

– Ааа! Понятно!.. – Кровник вытер трубку о грудь – Командировка куда?

– Да там по нашему ведомству... – Кровник слышит, как Паршков шуршит невидимой бумагой. – Груз нужно забрать из... Короче, из Сибири... Сядете на нашем запасном аэродроме, а оттуда уже вертушками...

– Что за груз? – Кровник смотрит на часы.

Паршков смеется в трубку:

– Ну, это я тебе сказать не могу!.. Серьезный груз, серьезный, не беспокойся... Кто ж к несерьезным грузам группу спецназа в сопровождение ставит... Там «почтовый ящик» в тайге. Старший – профессор Иванов. Строгий такой дядька с такой... в общем, ожог у него на полголовы. Лет двадцать назад на испытаниях получил... Короче, узнаешь. Он тебе груз этот лично должен передать и инструкции по транспортировке. Вообще – все инструкции у Иванова. К нему все вопросы...

– Ясно... – говорит Кровник.

– Вас просто после завтрака так и так дернут, а я вот решил тебе заранее, чтоб сюрпризов не было...

– Ясно. – Кровник смотрит на часы – Ладно. Буду тогда прощаться. Пойду своих на завтра готовить...

– Ну, пока. Удачи.

– Пока.

– Так, киборги! У кого меньше десяти магазинов? Все получили по десять? Пугач, сколько у тебя? Ты, макака! Я у всех спросил, кажется?! Куда хочешь засовывай.

– Есть, товарищ капитан!

– Сейчас принесут гранаты, и мы с прапорщиком Сахно их вам выдадим. Так... Луцик!

– Да товарищ капитан!

– Ты мне скажи, дядя, ты подсумки для подствольников на пять штук взял? На пять? Дядя, ты ненормальный? Ты на войну идешь или на дискотеку? Ну-ка бегом нашел и показал мне нормальный подсумок! 30 секунд – время пошло!

– Есть товарищ капитан!

– Гончарова ко мне!

– Рядовой Гончаров по вашему приказанию прибыл, товарищ капитан!

– Мужчина, я жду ваш доклад!

– Доклад, товарищ капитан?

– Ох! Я-егу-бабу-ягу... Не заставляй меня нервничать! Я сказал тебе готовить гранаты и... что?

– Что?

– Получать и готовить гранаты, чудовище! Получил гранаты? Где доклад об этом? Хочешь утомиться? Хочешь всю ночь с гирей на шее стоять – шас выдам гирю, не вопрос! Ну что ты смотришь на меня? Неси гранаты!

– Есть товарищ капитан!

– Макаки! Внимание! Как мы кладем гранату – в карман подсумка или в ранец?

– Кольцом к себе, товарищ капитан!

– Молодцы, макаки! Чтобы что?

– Чтобы не зацепиться случайно за ветку в лесу и не подорваться, товарищ капитан!

– Как мы передвигаемся с оружием в лесу, макаки?

– Оружие находится на предохранителе, товарищ капитан!

– Чтобы что?

– Чтобы случайно не выстрелить, товарищ капитан!

– Слушать всем, макаки! Всем положить в ранец свитерочек и калики! Еще раз напомню про флягу с водой: вода должна быть у каждого. Все! Всем спать!

– Есть, товарищ капитан!

– Прапорщик Сахно, ко мне на пару слов... Эй, че там за тело мечется? Сон не идет, воин? Щас найду задачу до утра! Спать всем!

Его будят по тревоге за два часа до подъема.

Выдергивают из липкого жуткого сна: всю ночь собирал с покойной бабушкой упавшие вишни в вишняке за колодцем. Лепили в каком-то незнакомом подвале большие бугристые вареники, бросали их в чан с кипятком. Вареники, извиваясь, выпускали темную сукровицу из аккуратных симметричных ран.

Костя кричал во сне от ужаса.

Вскочил, судорожно всхлипнув и чувствуя теплую влагу на лице. Потрогал подбородок – кровь. Пошла носом, пока спал. Хлынула из обеих ноздрей. Он задрал голову, втягивая липкие сопли – поздно. Заляпал красным подушку, простынь, тельняшку, трусы.

Слышал, как за стеной его отдельного кубрика собираются бойцы.

– Черт! – сказал он и встал с постели. Стянул тельняшку, вытер ей лицо и швырнул в корзину для грязного белья. Туда же полетели трусы. Распахнул свой шкафчик, быстро нашарил и натянул новые.

– Черт! – он еще раз обыскал все полки сверху донизу: чистой тельняшки нет.

– Черт! Черт! Черт!

Кровник быстро застегнул маскхалат, молниеносно обулся.

Выбежал из кубрика и сразу же вбежал обратно, расстегиваясь на ходу. Схватил из корзины запачканный кровью тельник. Натянул его быстро через голову.

Капитан Кровник? По боевой тревоге?? Без тельняшки???

Связь с Москвой дают уже в воздухе. В кабине самолета пилоты протягивают ему один из шлемофонов.

– Все по плану, – говорит Паршков, – направляйтесь туда же.

– А что не по плану? – спрашивает Кровник.

– Связи нет. Уже три часа не отвечают. Боимся, как бы там сам знаешь кто не пошуровал...

– Понятно, – сквозь стеклянный пол кабины Кровник смотрит на плотную серую вату облаков внизу. – Какие будут указания?

– Понимаешь, – говорит Паршков, – нас сейчас вполне могут слушать некие товарищи, которые на улице в это время суток выйти уже не могут, а вот послушать – запросто. Очень даже могут.

– Понятно, – говорит Кровник.

– Действуйте по обстановке. Вы там будете примерно через час. Может просто со связью у них что-то...

– Сам-то в это веришь?

Паршков молчит.

Командир экипажа поворачивается и смотрит прямо в глаза.

– Снижаемся! – говорит он.

У вертолетчиков в кабине выпел ЦСКА и фотка голой девахи из какого-то импортного журнала.

Кровник смотрит на выпел, на огромные груди с темными большими сосками.

Он не может удержать взгляд на этих двух кусках идеальной европейской плоти, его взгляд сам соскальзывает вниз. В темное неровное пространство за иллюминатором. Он смотрит в кристально чистый, звенящий от запредельного количества кислорода воздух над тайгой.

Этот воздух настолько свеж и упруг, что кажется, будто он – та невидимая подушка, что удерживает над острыми пиками сосен густое одеяло туч.

Кровник видит соседнюю вертушку. Точную копию той, в которой летит он сам: темно-зеленую, с большой красной звездой на борту.

Пятиконечный знак, каким его племя метит свою территорию.

Звезда цвета крови, пролитой в борьбе против погани.

Алый пентакль.

Символ, размноженный миллионами экземпляров.

Символ означающий «человек».

Вдруг он поворачивается и требовательно протягивает руку в сторону Сахно. Тот несколько секунд смотрит на него непонимающе. Наконец, неохотно лезет в карман и отдает Кровнику красно-белую пачку «Мальборо». Кровник бросает ее на вибрирующий пол и давит каблуком.

Сахно, ухмыляясь, разводит руками. Блестит в полутьме салона его золотой зуб.

Кровник видит, как он шевелит губами. Слов не расслышать в этом грохоте, но он понимает. Показывает Сахно кулак. Остальные хохочут, беззвучно разевая рты.

Внизу – под их ногами – лес неожиданно обрывается, и они видят большую поляну.

Вертолеты начинают снижаться.

Едва они успевают сделать пару шагов по земле – вертушки снова взмывают вверх, пытаются сбить их с ног неожиданным смерчем.

Кровник смотрит в небо: в это время года здесь рано начинает темнеть.

Быстро рассредоточившись, они длинными перебежками перемещаются в сторону деревьев, по очереди держа на прицеле лес вокруг. Мелькающие среди вековых стволов тени бесшумно приближаются к входу в объект.

Они с минуту изучают вход и прилегающую к нему территорию.

Что-то не так? Что-то кажется подозрительным?

Все кажется подозрительным. Не так – все.

Какая-то ненормальная тишина.

Деревья вокруг поляны словно окаменели. Все замерло в безветрии.

Кровник быстро зевает пару раз: уши заложило. Зевает посмотревший на него Луцик. И стоящий за ним прапорщик Алехин.

– Входим, – говорит капитан Кровник своему подразделению и, чувствуя как уши прижимаются к затылку, делает первый шаг.

– Оно? – шепотом спрашивает Сахно.

– Оно, – говорит Кровник и думает: «А что еще?».

– Быстро, – он дергает подбородком в сторону кейса. – Берем и уходим.

Луцик достает из кармана небольшую связку крохотных пронумерованных ключей.

Рыба подсвечивает ему фонариком.

Первый ключ не подходит.

– Твою мать! – громким шепотом.

Второй, видимо, тоже.

Кровник смотрит по сторонам: ух, как все напряглись! Чихни он сейчас – обделаются.

Или перестреляют друг друга.

Щелчок. Громкое сопение.

– Вот! – Луцик протягивает кейс Кровнику.

Ручка ледяная. Тяжелый, зараза...

– Уходим! Быстро!

Спустя пять минут они один за другим вываливаются под серое небо.

За старшего здесь, на поверхности, он оставлял лейтенанта Рожкова. Кровник быстро зыркает по сторонам. Вот и Рожков. Сам спешит к нему с докладом.

– Как тут? – спрашивает Кровник.

– Все тихо товарищ капитан! – говорит Рожков почти радостно, – А...

Он смотрит Кровнику за спину.

– На полпервого движение! – негромко кто-то.

«Молодцы!» – думает Кровник – «Ай, молодцы!».

Рассыпались в доли секунды. Все возможные огневые точки под прицелом. Радист?..

Кровник скосил взгляд: прикрыт...

Сахно выругался вполголоса.

– Что? – шепотом Кровник.

– *Вон...* – одними губами тот. – *Вон...*

Кровник достает бинокль: стволы.

– *Правее... За деревом. За упавшим...*

Вековые сосны. Кора буграми. Земля вся в ковре из хвои. Упавшее дерево.

Кровник моргает: ребенок.

Он зажмуривается. Считает до трех. Еще раз прикладывает окуляры к глазам.

Ребенок.

Мальчишка. Лет двенадцати. Стоит у поваленной сосны. Стрижка короткая. Комбинезон. Кеды.

Стоит, смотрит в их сторону.

Этого, конечно, не может быть, но Кровнику кажется, что малец смотрит прямо на него.

Прямо ему в глаза.

Капитан Кровник оборачивается: *все* смотрят на него.

Несколько секунд спустя он и еще пятеро бойцов бегут через поляну, напрямиком к упавшему когда-то дереву.

Мальчишка.

Стоит и смотрит на то, как они бегут к нему.

Он испуган? Он в шоке? В состоянии аффекта? Или это кукла?

Пятнадцать секунд – и Кровник рядом с ним.

Вот он.

Совсем близко.

Не кукла. Живой мальчишка. Волосы черные. Глаза темные. Чистый лоб.

Кровник знает, что Сахно держит сейчас этот чистый лоб в перекрестии прицела. Этот лоб, или какой другой – ему пофигу. Сахно попадает в любой лоб с трех сотен метров.

Кровник молчит. Просто не знает, что сказать.

– Как тебя зовут? – наконец спрашивает он.

Стоит, смотрит. Молчит.

– Ты тут один? – спрашивает Кровник, – Есть взрослые?

Молчит. Бойцы прислушиваются: вертолеты возвращаются. Слышен быстро нарастающий гул винтов.

Луцик смотрит на Кровника.

– Мож немой? – спрашивает он. – Заблудился?

Кровник протягивает руку:

– Пойдем?

Мальчишка смотрит на руку. Кровник и пара бойцов вздрагивают – над головами неожиданно возникают снижающиеся вертолеты. Они все – и мальчишка тоже – стоят, задрав головы на огромные винты, кромсающие воздух ломтями.

Все. Разговаривать бесполезно. Даже орать бесполезно. Ветер раскачивает деревья вокруг поляны. Кровник жестами приказывает Луцику взять ребенка с собой на борт. Луцик кивает и одним движением усаживает мальчишку на предплечье.

Они почти бегом двигаются в сторону снижающегося вертолета. Луцик не вносит – вбрасывает пацана как мешок прямо в раскрытую дверь. Следом влетает сам. Десять секунд – вся группа в вертолетах.

Еще мгновение – и земля ухнула куда-то вниз.

Они разом оказались выше самых высоких деревьев.

Бойцы смотрят на него. Он показывает им большой палец. Сует «дипломат» Сахно. Тот кладет его на пол и садится сверху. Кровник входит в кабину к пилотам.

«Ми-8». Старая проверенная вертушка. Но не та, на которой он летел сюда. Здесь нет выпела ЦСКА. Нет голых сисек.

На приборной доске – крохотный иконостас. Три иконки со спичечные коробки размером.

Кровник хватает шлемофон. Он слышит голос командира соседнего борта:

– Полста Первый! Чебурашек забрали, возвращаемся на базу...

– Понял, Полста Первый!

В декабре семьдесят третьего на сирийско-израильской границе экипаж арабской «восьмерки» перебрасывавший отряд спецназа, заметил с воздуха большую диверсионную группу противника, возвращавшуюся с задания. Израильтяне буквально за три минуты до этого, совершив дерзкое нападение, выволокли из подорванного бронетранспортера сирийского генерала, и сейчас двигались в глубь своей территории. Спецназ произвел экстренную посадку под непрерывным огнем противника и, потеряв двух бойцов, буквально вырвал генерала у израильтян из рук и доставил на свой аэродром. Вертолет «Ми-8», в корпусе которого впоследствии насчитали 36 пулевых пробоин, смог выполнить 12-минутный полет и совершить посадку в расположении своих войск при отсутствии масла в основной гидросистеме и поврежденной маслосистеме одного из двигателей. Сержант Кровник наблюдал эту посадку своими глазами.

Их ощутимо клонит вправо, и он видит, как линия горизонта неожиданно меняет свое положение в пространстве: вертолеты, наконец набрав нужную высоту, синхронно начинают заходить на вираж.

Позже раз, за разом прокручивая следующие тридцать секунд своей жизни, он восстановил в памяти почти все целиком.

Кровник помнил, что хотел посмотреть на часы, но не успел: он увидел, как из плотной ваты облаков где-то впереди, нарушая все законы гравитации, вынырнуло хищное безупречное тело.

Кровник помнил, что целую секунду ему казалось, будто черный силуэт истребителя просто висит в воздухе вверх тормашками.

Он помнил, что испытал какой-то необъяснимый восторг от этого зрелища.

Он услышал, как кто-то из пилотов сообщил базе, что их атакуют. Он увидел четко выделяющийся в октябрьском небе стремительно растущий белый обувной шнурок.

Инверсионный след ракеты.

Кровник помнил, что хотел зажмуриться, хотел отвести взгляд, но так и не смог заставить себя. Он заворуженно смотрел.

– Все, – сказал кто-то в наушниках. *Командир их борта? Второй пилот? Он сам?*

Ему показалось, что в соседний вертолет ударила молния: ослепительный сноп белого света мощностью в миллион фотовспышек.

Он успел подумать, что ослеп.
Что хрусталик оплавился, а зрачок превратился в уголь.
Он успел подумать, что лишился и слуха.
Что возможно все закончилось, и ракета пролетела мимо.
И в этот момент услышал взрыв.
Он почувствовал сильный удар. Его швырнуло куда-то в сторону потолка.
Едкий запах пополам с дымом заполнил салон.
Человеческий вопль, треск рвущегося фюзеляжа и вой двигателя.
Вертолет сильно накренился, крутанулся, словно большая юла вокруг своей оси, и десяти-тонной грудой металла ухнул вниз.

Кто-то стонет. Кто-то воет от боли в переломанных костях.
– Василич!.. Василич!.. – сквозь оглушительный звон в ушах.
Кто-то бьет его по щекам. Кто-то кричит прямо в его лицо. Он чувствует запах чеснока и человеческой слюны. Кто-то взламывает ампулу нашатырного спирта прямо перед его носом.
Капитан Кровник открывает глаза.
Он видит лицо. Перепачканное лицо с большими перепуганными глазами. Лицо улыбается.
– Василич! – облегченно восклицает его обладатель, – Фуууххх!
Это Сахно. Кровник трогает себя за ремень. Еще раз.
– Пхррр... – говорит Кровник и облизывает губы, – воды дай...
Сахно сует ему флягу. Кровник делает несколько крупных глотков, дергая кадыком.
Снова ложится спиной на землю. Его оттащили от упавшего в тайгу вертолета. Скорее всего, тот же Сахно. Кровник слышит стоны откуда-то из-за ближайших деревьев.
– Цел? – спрашивает Сахно. – А?
Кровник сжимает и разжимает пальцы рук, сгибает ноги в коленях, шевелит обеими ступнями.
Крутит носом, с шумом втягивая воздух.
– Вроде да... – говорит он. – Вроде цел...
У него гематома за ухом, ноет плечо. Он смотрит на смятый кусок леса метрах в двадцати от себя и слышит странный звенящий треск в отдалении – словно сотня лесорубов прорубается сквозь густую таежную чащу.
Кровник приподнимается, потом осторожно встает в полный рост. Он еще раз ощупывает свое тело: бедра, плечи, живот, ягодицы.
Цел.
– Сколько живых? – спрашивает он.
– Пятеро... – Сахно мотает головой в сторону. – Двое раненых, ты, я и Луцик...
Кровник, наконец, понимает, что странный звенящий треск в отдалении никак не связан с лесорубами. Это горит тайга. И пахнет здесь соответствующе – изломанной горячей древесиной. Он видит отблески пламени. Видит, как сгущается тьма над этим местом. Как мгла цепляется рваными кусками черной материи за колючие кроны сосен. Словно огонь притягивает к себе липкие сгустки мрака.
Сумерки уже выглядывают из-за стволов, почти не таясь.
Кровник смотрит в небо: темнеет. Он переводит взгляд на Сахно.
– Вот... – говорит тот, протягивая ему черный кейс. Кровник берется за холодную пупырчатую ручку.
Тяжелый, зараза... Хоть бы хны ему: пара длинных царапин и небольшая вмятина.
Он опять смотрит в сторону пламени – дыма там все-таки больше чем огня. Это радует.
– Че горит? – спрашивает Кровник, – Наша вертушка?

– Не... – Сахно тыкает рукой в противоположную сторону, – Наша там... Мы туда на вернулись. А это та, в которую ракета попала... Они даже «обманки» свои успели отстрелить, отвлекающие, но один хер...

Сахно качает головой.

– Ох, я и очканул!.. – говорит он.

Ракета.

Умная злая железяка.

Если бы умела думать, то пока летела к цели – размышляла бы что это она центр мира, точка опоры, пуп земли. Что это облака и лес вращаются вокруг нее, а не она сама согласно своим баллистическим характеристикам.

Она взорвалась, не долетев до корпуса, каких-то пять метров.

Она даже дернулась на отстреленные экипажем отвлекающие снаряды. На этот неуместный здесь и сейчас небольшой праздничный салют.

Но было уже поздно.

Ее акулье тело лопнуло титановой граненой шрапнелью.

Сотни крохотных раскаленных металлических кубиков, вращаясь, разлетелись по радиусу.

Сшибли верхушки нескольких сосен.

Изорвали нижний край облака.

Вскрыли вертолет, как консервную банку, начиненную человечинной.

Они с силой ударили «Ми-8» в левый борт, запрыгали внутри, рикошета от плоскостей салона, перемальвая двигатель, людей, электронику и топливную систему в однородный фарш.

Вертолет взорвался в небе над тайгой, высветив на секунду ручей на дне глубокого оврага.

– Он просто в нас врезался, – сказал Сахно и стукнул ребром ладони по сжатому кулаку, – Ударил нас винтом в задницу... Отсек хвостовую часть... Тех, кто сзади был, тех просто пополам... Потом нас крутануло... А потом чувствую – падаем...

Его передернуло.

– И упали, – закончил Сахно.

Они вдвоем быстро шли между деревьями, поглядывая по сторонам: темнеет прямо на глазах.

– Рация цела?

Сахно покачал отрицательно головой.

– Кто ранен? – спросил Кровник – и тут же сам все увидел.

Он увидел вертолет, лежащий на вершине вздыбленного бурелома. Несколько неподвижных тел рядом с мятым, почти потерявшим первоначальную форму фюзеляжем.

– Слышь, зема... – тихо сказал кто-то за ближайшим деревом, – летчик, кажись, того...

Кровник увидел Леху Саморядова, привалившегося спиной к широченному, в три обхвата, стволу. Метрах в трех от него лежал и смотрел куда-то в кроны деревьев человек в летной форме. Вокруг валялось несколько выпотрошенных аптечек.

– А!.. – сказал Саморядов, – здорово командир... Я думал, это Петяня... думал зема мой... Луцик...

Леха был очень бледен, и Кровник очень быстро понял почему: перелом. Открытый. Кровник вдруг сообразил, что смотрит на кость и отвел глаза. Посмотрел Саморядову в лицо. Тот улыбался слабо углом рта.

– Почти не больно, – сказал он, – Петяня мне промедола вкатил...

Кровник кивнул.

Луцик вышел из-за дерева, держа за руку ребенка.

– Глаз алмаз! – Сахно покачал головой. – Где нашел?

– Сидел... Тут рядом, – Луцик слегка толкнул мальчика в спину и перехватил автомат поудобнее. – Все... Больше никого.

Мальчишка. Чумазый. Комбинезон изорван в клочья – дырка на дырке. Глаза здоровенные, блестят в полумраке.

Полумрак. Пока еще «полу».

Кровник попытался улыбнуться.

– Как дела? – спросил он. – Ничего не болит?

– Молчит, – Луцик смотрел на мальчишку. – Морозится... или на самом деле немой. Но вроде целый.

Кровник наклонился, вытащил из пилотского планшета карту и расстелил на земле. Достал свою и тоже аккуратно расстелил ее рядом. Луцик и он встали на колени; Сахно, заглядывая им через плечо, подсвечивал фонарем. Кровник глянул в небо: пять-шесть минут – и стемнеет окончательно. Он бросил взгляд через плечо – лицо Саморядова белело в сгущающемся сумраке. Сидит, закрыв глаза.

– Так... – Кровник смотрел на компас. – Мы летели не больше пяти минут на северо-восток... а то и меньше... Это сюда... сейчас мы...

Он нарисовал на карте пилота невидимый овал, а в свою уверенно ткнул указательным пальцем:

– Мы где-то здесь... Вот тут железка...

Он быстро водил по карте своим обкусанным ногтем.

– Вот здесь она вдоль реки идет... Если вверх по течению – поселок и лесопилка... Так... Вниз по течению...

Он пристально всматривался в карту.

– Так, вниз еще одна лесопилка...

Они встали с колен и стали складывать карты по линиям сгибов. Кровник приблизился к Луцику и Сахно вплотную.

– *Идем туда, где река пересекается с железной дорогой*, – сказал он еле слышно. – *В пять сорок пять там проходит поезд. Нам нужно быть там в пять сорок максимум. А лучше в пять тридцать. Идем всю ночь. В восемь – самое позднее в девять утра нужно выйти на связь.*

И уже громче:

– Все! Выходим!

Саморядов открыл глаза.

– Зема!.. – позвал он, – Петяня!..

– Я здесь, – глухо сказал Луцик и присел рядом с ним, – Здесь я, Леха...

Кровник взял ребенка за теплую узкую ладонь, и они тоже подошли на пару шагов ближе.

– Дай гранату Петяня... Посажу тут... Подумаю... Подожду тут кое-кого, кому ночь мать родная...

Луцик молча, стал отстегивать гранату с пояса. Саморядов вытащил из кобуры пистолет и положил на живот. Он посмотрел на мальчишку, на Сахно, на Кровника. Приподнял угол рта:

– А что, командир... кровососы есть, а я думал, брешут. А они есть. Даже подписку дал о неразглашении. Девкам не расскажешь...

Он принял гранату из рук Луцика и положил ее к пистолету, на живот.

– А если правда, что они есть, то может и правда, что они живут вечно? А? Командир? Вот же живут люди!..

– Не люди... – помедлив, сказал Кровник. – От солнца дохнут, где же вечно?

– А без солнца? – Саморядов, не отпуская, крепко держал руку Луцика. – А? Командир?

– От пули в башку точно дохнут.

– А если в них не стрелять?
– Не знаю... – сказал Кровник. – Неизвестно. Проверить нельзя...
– Никто не проверял... – покачал головой Саморядов и вдруг всхлипнул. Луцик опустил голову.

Саморядов крепко схватил его за плечи.

– Все, – Саморядов шумно задыхался, – Все! Иди, брат... Пора! Идите!

Луцик нехотя встал с колена.

– Прости, Леха, – он медленно пятился, словно не решаясь повернуться к сидящему у дерева спиной. – Прощай.

– Прощаю... и ты меня прости.

– Конечно... – Луцик остановился и поднял руку. – До встречи, братка. Увидимся.

Саморядов слабо улыбнулся:

– Это точно...

Кровник протянул ему руку. Саморядов крепко сжал его кисть.

– Прощай, командир.

– Прощай, Леха. Прости.

Сахно тоже обменялся с ним рукопожатием. Протянул ему фонарик. Саморядов отрицательно покачал головой.

– Все, – прошептал он, – Все! Идите!

Кровник сунул кейс Сахно.

Крепче ухватил детскую руку.

– Бегом марш! – сказал он.

И наступила настоящая ночь.

Их четверо в этом лесу.

Четыре неясные фигуры во мраке.

Бредущие без дороги – напрямик.

В этом ночном лесу, пахнущем хвоей.

Километров пять назад еще можно было уловить слабый запах дыма, но сейчас и он пропал.

Тишина. Хвоя гасит звук шагов до шепота.

Они могли бы ориентироваться по звездам, как их пращур, древние охотники. Могли бы идти на яркую звезду где-то под куполом мира. Но звезды там – за густым слоем кучевых облаков, оккупировавших тропосферу. Возможно, где-то там, за облаками, есть даже луна.

Там. Но не здесь.

Здесь тьма, шорох шагов и дыхание.

Они не видят звезд. Они почти не видят пути. Переставляют ноги как роботы: правой, левой, правой, левой.

Временами, когда они спускаются в низины, можно просто идти с закрытыми глазами и спать – все равно ничего не видно.

Они смотрят на шайтан-машинку, мерцающую во мраке бледными черточками.

Компас.

Кейс несут по очереди, по полчаса. Считай, тащат с собой двадцати четырех килограммовую гиру. И ребенка.

Кровник жжал его сухую ладошку в своем кулаке, не отпускает ни на секунду. А тот – сопит молча в две дырочки. Идет, не отстаёт. Топаёт кедами. Хорошо хоть не ноет.

Кровник смотрит на свои «командирские»: до полуночи еще четверть часа.

– Стой, – вполголоса, – Отдых пять минут.

Все плюхаются на землю. Сидят, молча вытянув ноги – уже три часа в пути.

– Как они нас... – говорит из темноты Луцик. Кровник еле видит его лицо, проступающее слабым пятномю – Лихо... Двадцать девятый «Миг». Бах – две вертушки нету. Двадцать человек народу. Сука... У них даже «Миги» есть. Я дурею, как они устроились...

Сахно шмыгнул носом. Мальчишка сидел тихо – как мышка.

– Ну... – Кровник вдруг прислушался. Шевельнул ухом куда-то за спину. Потом продолжил:

– Вот я пытаюсь представить себе ситуацию, что у какого-то упыря есть «Миг-29», и что он прилетел на нем сюда, выстрелил ракетой в две воздушные цели, и (!) – Кровник поднял палец, – И в обе попал.

– А че? – спросил Луцик. – Это ж «Миг»!

Сахно шмыгнул носом.

– «Миг»? – Кровник посмотрел на часы. – Это, поверь, – просто быстро летающая и хорошо вооруженная хреновина с дядькой за рулем. Он сам по себе...

Кровник нарисовал в воздухе какую-то неразличимую сейчас геометрическую фигуру:

– Он... ну как сказать? Его же ведут с командного пункта постоянно от взлета до самой цели, понимаешь? А цели секут с радиолокационных станций. А станции натканы по всей стране, через каждые пятьсот километров, понятно? – спросил Кровник куда-то в ту сторону, где сидел Луцик: он ожидал, что зрение понемногу будет адаптироваться, но за последнюю минуту, кажется, стало еще темнее.

– Поэтому прилететь куда-то на «Миг-29» и что-то сбить просто так не получится, – продолжил Кровник. – Хоть два будет у них «Мига», хоть три... Без системы обнаружения, системы связи, системы оповещения – они бесполезны, понимаешь?

Кровник еще раз быстро глянул на часы.

– Так это что они? – спросил Луцик. – Нашими станциями пользуются?

Кровник промолчал.

– А, командир? – спросил Луцик. – Нашими?

– А сам как думаешь? – Кровник говорил на голос: ну никак в этой тьме не различишь человека.

– Ох... – сказал Луцик. – Лучше бы я этого не знал...

– А самолеты думаешь чьи? – это Сахно.

– Блин... – сказал Луцик. – Зачем я спросил? На хера мне это надо было?

Кровник лег на спину и потянулся всем телом. Тихо хрустнуло в позвоночнике и еще тише в пояснице.

– Не пойму я, – после некоторого молчания подал голос Луцик. – Они же мертвяки... Дома они не строят. Хлеб не выращивают. Музыка не слушают... Чего им это все? Зачем?

– *Крооовушку им надобноо!* – кривляясь, прогундосил голосом мультипликационной бабы-яги Сахно. – *Кровушка им наша слаще меда упырям-тооо!..*

– И все? – спросил Луцик, – Это ж просто кровь, ее полным-полно...

– Просто кровь? – Кровник покачал головой, – Обезьяна! Вот если все так будут думать, как ты, тогда они нас точно со свету сживут. Сгонят в хлева, посадят перед теликами и будут кормить комбикормом как свиней, чтоб себя позабыли да быстрее вес набирали...

– Просто кровь? – Кровник еще раз покачал головой, – «Кровь» это не «просто». Как минимум у них самих ее нет... И получается, что это самое главное, что есть у нас. Есть в нас. Поэтому мы им сукам нужны. А вот они нам на хер не нужны.

– А если они на хер нам не нужны, зачем мы их сделали? – спросил Сахно.

– А что, правда, товарищ капитан, что мы их сами... – вполголоса Луцик из темноты. – Что раньше их не было... Что они только выдуманные были... И мы их сами... Да?

Кровник поднес левое запястье к глазам и внимательно посмотрел на положение стрелок.

– Да, – сказал он, вставая, – Подъем! У кого груз?

– У меня, – голос Сахно.
– Вперед!
Четыре неясные фигуры во тьме.
Бредущие без дороги – напрямик.
Через этот лес со старыми высокими деревьями.
Ночной лес, пахнувший хвоей.

Костя Кровник рос в местах, где такого понятия, как «лес», не существовало.

Был маленький пыльный город. Горизонт, изломанный терриконами шахт и истыканный трубами заводов.

Один из этих заводов – металлургический – стоял совсем близко, на огромной подковообразной горе.

Летом, по ночам, Костя забирался на крышу своей пятиэтажки и смотрел: в паутине железнодорожных путей, пышущий паром и дымом, завод казался еще одним городом, стоящим совсем рядом. Железным Городом, пустившим свои стальные корни в толщу горы, подножие которой куталось в тумане. Косте казалось, что это мираж. Что сквозь дыру во времени и пространстве он видит город из далекого будущего. Или из прошлого. Или совсем из другого мира, с другой планеты. Костя несколько раз пробирался туда. Представлял себя засекреченным разведчиком, заброшенным сюда из будущего. Или с другой планеты. Стрелял из воображаемой лазерной винтовки в локомотивы, тянувшие за собой огромные чугунные ванны, полные раскаленного жидкого металла. Бродил в ущельях между его громадными цехами, настолько глубоких, что бурые кучи снега лежали там до середины мая. Зажав уши, с восторгом смотрел на то, как циркулярные пилы диаметром с чертово колесо режут, словно масло, рельсы, швеллеры и двутавры. И как от этого снопы искр взлетают под самый потолок. Он ходил в «мартен» и смотрел на не помещающиеся в воображение мартеновские печи, в которых зрел чугун. Видел, как на блюминге черные закопченные клетки с немецкими орлами катают своими валками, словно пластилин, прямоугольные «блюмсы», каждый – размером с автобус. Он видел маленькие фигурки людей в струящемся воздухе цехов. Он представлял себе, что они – жители этого огромного города на горе. Странные, закопченные, насквозь прокаленные люди. Они живут почти вечно и мрут только от ржавчины. Ему хотелось заблудиться здесь и стать одним из них. Но всегда нужно было идти домой.

Летом воздух в городе пах графитом, перегоревшими лампочками и газировкой. Когда ночью из огромных ковшей выливали раскаленный шлак – в городе становилось светло как днем. В небе разливалось малиновое зарево, словно где-то за горизонтом взрывалась атомная бомба. Костя видел ядерный взрыв по цветному телевизору. Ему было с чем сравнивать.

Многие мужики в городе ходили с накрашенными глазами – совсем как бабы. Это были шахтеры. Угольная пыль въедалась в их веки и не вымывалась годами. Когда они напивались, то смотрелись жутковато с этими своими пьяными, по-блядски крашенными пустыми гляделками.

За металлургическим заводом, в поселке Северный, жили цыгане.

По слухам, там был копровый цех, где переплавляли старое оружие. Кто-то клялся, что своими глазами видел там танки и целую гору гильз. Ребята из соседнего двора как-то поехали туда на велосипедах большой шумной компанией. Вернулись они вечером на троллейбусе с фингалами и без велосипедов. Больше никто из их района к поселку Северный не приближался.

Однажды Костя выпросил у родителей фотоаппарат и целых три месяца ходил в фотокружок при Дворце пионеров. Там он познакомился с выдержкой, экспозицией, и Вовой. Вова был толстым важным очкариком и жил неподалеку от Северного. Он по большому секрету рассказывал, что у его отца есть ружье. И что ружье это не для охоты.

– А для чиво? – спрашивал шепотом Костя.

Вова рассказывал, что папа боится. Боится за Вову и его сестер Катьку и Людку.

– А чиво боится? – округлив глаза, шептал Костя Кровник.

Вова рассказывал, что цыгане воруют детей. Они прячут детей в подвале, а наутро не найдешь там никого. Ночью приходит Черный Барон – Душекрад Смертеев. Бледный, страшный, в черной рубашке, черных штанах и черных сапогах. А зубы у него как шприцы. Пройдет он сквозь стену – и выпьет всю кровь из ребенка. А потом, насосавшись крови, сидит там, разбухший, до утра, пошевелиться не может. Как услышит петухов – превращается в здорового глиста и уползает обратно в стену. А не станут цыгане детей ему таскать, он тогда из них всю их цыганскую кровь выпьет.

После занятий Костя, обмирая сердцем и оглядываясь по сторонам, почти добежал до остановки. В троллейбусе он жался поближе к кондуктору. Та даже начала хмуриться и крепко держала свою кондукторскую сумочку с мелочью обеими руками.

Вечером Костя не выдержал и рассказал все маме.

Мама рассмеялась.

– Что еще за глупости? – сказала она, улыбаясь, – Кто это тебе наплел?

Костя сказал, что это большая тайна.

– Хорошо, – сказала мама серьезно. – Раз тайна, значит, не говори. Но можно я тебе вопрос задам? Всего один?

Костя нахмурился.

– Всего один, – сказала мама. – А ты, если не захочешь, не отвечай. Идет?

Костя, подумав, кивнул.

– Скажи, Костя, – мама присела на диван и легонько похлопала ладошкой рядом с собой. – Скажи, сынок, тебе нравится твоя страна?

Костя смотрел на маму.

– Конечно! – сказал он. – Конечно нравится!

– А можно еще один вопрос?

– Можно, – кивнул Костя.

– А чем она тебе нравится?

– Ну ты что, мама?! – удивленно вскочил Костя. – Мы же самая лучшая страна на свете! Мы же освободили людей! Мы же победили Гитлера! Мы же помогаем всем хорошим людям в мире!

– Правильно, – сказала мама, – И нас боятся все наши враги, так?

– Да! Потому что мы сильные!

– Правильно! – сказала мама. – Мы никому не дадим напасть на себя, верно? Мы умеем защищаться, так ведь?

– Да! – сказал Костя, – Умеем!

– Так вот, сынок, неужели ты думаешь, что наша страна даст своих в обиду? – мягко спросила мама, глядя на Костю.

– Нет... – покачал он головой, – не даст...

– Правильно Костя, – мама погладила его по голове. – Потому что наша страна умеет защищать себя не только от внешних врагов, но и от внутренних. Не только снаружи, но и внутри – понимаешь, Костя?

Костя задумчиво кивнул.

– Думаешь, дала бы наша страна какому-то барону воровать своих детей и пить из них кровь? Да мы Гитлеру по шее надавали, а тут какой-то глист!

Костя засмеялся облегченно.

– И еще, – сказала мама. – Если бы пропадали дети, в газетах бы об этом точно написали. И по радио сообщили. А в газетах об этом пишут? По радио сообщают?

Костя, улыбаясь, отрицательно покачал головой.
– Так что все это выдумки, сынок. Все это сказки...
Спать он лег с легким сердцем. А фотокружок скоро бросил.

Их соседкой по площадке была Тетя Лошадь. Так ее называли все во дворе. Хотя Косте она даже нравилась.

Высокая статная женщина, всегда очень строго одетая. Звали ее Ириной Александровной.

Когда-то она была завучем в школе и преподавала английский. Однажды она заметила, что повариха в школьной столовой что-то подсыпала ей в еду. Ирина Александровна сделала вид, что ест, – и как только повариха отвернулась – высыпала содержимое тарелки в урну. Она стала наблюдать за поварихой внимательнее и пришла в ужас: та подсыпала ей что-то в еду каждый день! Очень скоро Ирина Александровна все поняла! Повариха – инопланетянка!

К пятнице она обнаружила, что все работники столовой – инопланетяне. Она долго колебалась, но решилась-таки рассказать об этом директору. Тот серьезно выслушал ее, пообещал разобраться и похвалил за наблюдательность. Еще через неделю она заметила, как замолкают при ее появлении в учительской коллеги-преподаватели. Она пошла к директору. Прошла мимо пустого места секретарши и вошла в его кабинет. Директор стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на школьный двор. Он обернулся на звук открываемой двери и улыбнулся. Ирину Александровну обожгла страшная мысль! Она все поняла: все в этой школе инопланетяне!

Костя Кровник с интересом смотрел на Тетю Лошадь когда та заходила к ним в гости.

Тетя Лошадь всюду ходила с небольшим дорожным чемоданом. Там лежали ее одежда и еда. Всю одежду, которая не поместилась в чемодан, Ирина Александровна выкинула. Потому что когда ее нет дома, туда проникают Они и облучают все радиацией из радиационных пистолетов. Ирина Александровна рассказывала маме, что Они прожигают ей голову невидимым лазером, и тогда она слышит их смех.

Костя с восторгом смотрел на Ирину Александровну: она была по-настоящему чокнутой теткой.

Она почти ничего не готовила и, соответственно, почти ничего не ела. И только пила из крохотной бутылочки, которую носила в этом своем чемодане. Его мама была единственным человеком, с которым Тетя Лошадь общалась и из рук которого принимала пищу: иногда соседку звали на яблочный пирог или на вареники с вишнями. Вишни и яблоки везли из деревни, от бабушки. Редкие мамины вареники и пирог – пожалуй, единственная трапеза, которую она разделяла с кем-то еще. Мама дружила с ней с детства, а до этого дружили их матери.

Но и маме, как случайно выяснилось, Тетя Лошадь доверяла не до конца. Однажды они угостили ее банкой клубничного варенья. Вечером Костя увидел, как Ирина Александровна выбрасывает подаренное варенье в мусоропровод. Костя давился смехом, стоя за углом: ну все! Он и мама тоже инопланетяне!

Потом бежал рассказывать другу Сашке Осипову об ее очередной выходке.

Все детство лет до тринадцати они с Осипом искали Красную Пленку. Все пацаны в их дворе искали Красную Пленку. Все знакомые мальчишки в его городе, в пионерлагере, на море и у бабушки в деревне – все искали Красную Пленку.

Каждый знает: если Красную Пленку зарядить в фотоаппарат и сфотографировать человека, то на фотографии он получится голым! Красная Пленка просвечивает одежду! Каждый мальчишка в стране хотел достать такую пленку. Каждый мальчишка в стране знал, кого он хочет сфотографировать.

Как-то по секрету Осипу рассказали, что в аптеках принимают сигаретный пепел. Трехлитровка – сто рублей новыми. Из такого пепла потом делают лекарства от рака. Они с Осипом стали курить не в затыг по две пачки в день, аккуратно стряхивая рябой истлевший табак в широкое горлышко. К середине лета набрали полбанки. Сидели, дымя на сухом дереве в старом парке, и мечтали о подержанном мотоцикле, на который должно было хватить сданных в сентябре денег. Они закрывали трехлитровку тугой полиэтиленовой крышкой и прятали ее на заброшенной танцплощадке. Потом шли на пруды. Рыба, выловленная в этих прудах, пахла заводом. Костя и Осип прятались на каменистом берегу за камышами и смотрели на купающихся взрослых девок. Они ждали, когда те выпрыгнут из купальников и начнут носиться по берегу голые, тряся сиськами и бесстыже танцуя под запрещенную музыку из транзистора. Все пацаны из их двора видели это зрелище. Все рассказывали это в подробностях, сидя в беседке с торчащими пиписками и прижимая к груди невидимые арбузы. Осип и Костя ходили на пруды каждый день. Но девки не спешили врубать транзистор на полную катушку. Не сбрасывали с себя разноцветные трусы и лифчики. Не бегали голые по берегу.

К концу августа Костя и Осип стали догадываться что, скорее всего в этой жизни подобного зрелища они не увидят. Потом началась школа.

К середине сентября банка с пеплом была полной. Они аккуратно – стараясь не трясти, чтобы пепел не дал усадку – донесли ее через весь город до центральной аптеки. Они вошли по ступеням на крыльцо. Испытывая невероятное волнение, Костя немного обогнал Осипа и распахнул перед ним стеклянную дверь. Лицо Осипа сияло, возвещая, что его обладатель явно испытывает схожие чувства. Они вошли в огромное, сверкающее, стерильное помещение. Женщина в белом халате, стоявшая за длинным стеклянным прилавком смотрела на них поверх очков. Они пошли в ее сторону. Осип повернул свое сияющее лицо, открыл рот – и вдруг Костя увидел, как на его лице проступает ужас. Он все понял. Он дернулся к трехлитровке, но было уже поздно – банка выскользнула из рук Сани Осипова и, долетев до пола, взорвалась, выпустив облако серой пыли. Тетка смотрела на них огромными глазами. Она открыла рот и сразу же захлопнула его.

– Что же вы стоите! – в ужасе закричал тетке Осип, – Дайте же нам скорее чистый совок! Тут же три литра сигаретного пепла!!!

– Что??? – сказала тетка, словно задыхаясь. – Что-что-что???

Она икнула и схватилась за сердце.

В аптеку вошел, громко сопя, толстяк в белой фетровой шляпе. Костя бросился ему навстречу.

– Стойте! – чуть не рыдая, замахал руками он, – Дяденька, стойте! Здесь лекарство рассыпалось от рака!

Толстяк остановился, глядя на него выпученными глазами.

– Что? – прогудел он слоновьим голосом. – Что-что-что???

– Мужчина!!! – завопила вдруг тетка в белом халате. – Держите хулиганов!

Мужик засопел и медленно побежал на Костю, нелепо размахивая толстыми руками.

– Нет! – возмущенно закричал Костя. – Это не...

Они бежали до самого парка и потом еще долго петляли по оврагам.

Мама смеялась до слез. Так, что даже соседи сверху звонили узнать, не случилось ли чего.

– Ох!.. – даже спустя много лет вспоминая эту историю, мама не выдерживала и начинала давиться смехом. – Ох, Костя! Горе ты мое луковое!.. Кто ж вас на это надоумил!

Сашку Осипова отец за курение лупил ремнем по голой заднице, зажав оную меж коленей. Костя пообещал родителям, что он-то точно никогда курить не будет.

Все вокруг стало гораздо четче. Словно добавили резкости и контраста. Можно различить Сахно, быстро идущего чуть левее и Луцика с кейсом впереди. Кровник поднимает голову: далекое ночное, осеннее небо. Облаков нет. Чей-то спутник мерцает на орбите крошечным кусочком фольги. Наш? Их?

Они проходят примерно километр. Вдруг Луцик плавно и бесшумно ставит кейс на землю. Он замирает как вкопанный. Держа палец на предохранителе, Кровник, не шевелясь, смотрит на него.

Луцик целится. Целится куда-то вперед. Куда-то в просвет между стволами. В пятнистую мглу. Кровник напрягает глаза: там разве что-то есть? Он всматривается. Что это? Стена? Или что-то похожее на стену? Или...

Кровник хмурится: там что-то блестит что ли?

Он перестает дышать. Он вслушивается. Щелчок?

Вот! Еще раз!!!

Щелчок?

Или что это?

Он громко тянет носом воздух и убирает палец с предохранителя. Сахно удивленно смотрит на командира: Кровник улыбается.

– Лягушки! – громким шепотом говорит он. – Во сне квакают!..

Они выбредают к небольшому, гладкому как зеркало озеру. Кровник быстро сверяется с картой – есть такое. Идут шагом по берегу какое-то время, отражаясь в нем вверх ногами вместе со звездами, деревьями и даже с каким-то другим спутником, хотя может быть и с тем же самым...

Мальчишка, широко раскрыв глаза, смотрит на противоположный берег. На застывшую воду, похожую на черную лакированную сталь. Ходили тут когда-нибудь люди? А *нелюди*?

Внезапно – тихий всплеск – и круги расходятся по воде.

– Русалки балуются... – негромко Луцик.

Сахно смотрит в сторону озера.

– Русалками утопленницы становятся, – говорит он.

– Неа... – Луцик качает головой. – Они сразу такие рождаются.

– Ну конечно! – говорит Сахно. – Из икры что ли?

Луцик пожимает плечами. Он чуть замедляет ход и протягивает кейс Кровнику:

– Товарищ капитан, ваша очередь...

Ребенка ведет Сахно. Он смотрит на мальчишку сверху вниз.

– С бойцом что будем делать? – спрашивает он. – С сыном полка?

– Утром в первой же деревне кому-нибудь сунем. Или просто оставим на лесопилке.

Главное, до людей довести... Там разберемся. У тебя другое предложение?

Сахно отрицательно мотает головой.

Кровник бросает взгляд через плечо: берег заканчивается. Озеро остается у них за спиной.

Лес надвигается. Они снова входят в него. Просачиваются в чашу меж стволов.

Несколько секунд – и водная гладь скрылась за деревьями. Как и не было ее.

– Товарищ капитан, они сейчас за нами по следу нашему идут? – спрашивает Луцик.

– Не исключаю такой возможности, товарищ рядовой.

– А они как? – Луцик, поравнявшись с Кровником, начинает идти в одной с ним скорости, – Они, что прям, чувствуют наш запах? Или у них приборы?

– У них много чего. До конца никто не знает, чего у них там есть.

– Да все все знают! – говорит Луцик. – Просто вы рассказывать не хотите...

– Вот как? – Кровник качает головой. – Прямо все и все? И вы, мужчина, значит тоже?

Сахно хмыкнул.

Луцик замолчал. Но надолго его не хватило:

– Я вот слышал это все из-за того, что ученые мертвеца какого-то оживили во время опытов... Что после этого они появились. От того первого мертвяка пошли. И поэтому они не живые, а как бы ожившие...

– Ох ты... – Кровник качает головой. – Просит он рассказать... Ты сам расскажешь – мало не покажется... Я аж заслушался. Чьи ученые? Наши?

Луцик молчит. Обиделся? Или думает?

– Ну-ну... – говорит Кровник. – Я слушаю вас, мужчина.

– Ну, наши. Не так что ли, товарищ капитан? – Луцик смотрит на него. – Геологи как-то в районе Тунгуски подстрелили оленя. А оленю пофигу. Идет себе дальше. Они в него зарядов двадцать всадили, а он все равно от них ушел. А потом там мох красный нашли. Оленей, которые этот мох ели, убить было никак нельзя. Поймали такого оленя и отвезли в Москву ученым. Те его разрезали – а он все равно шевелится. Они его зашили – он дальше себе живет. Ничего не поняли. Стали тем мхом разных животных кормить. И одна свинья родила какого-то мутанта. Без половых органов. Размножить его не получится. Тогда они подождали, пока подходящий человек умер, и вшили ему сердце от этого мутанта. Сначала они подумали, что эксперимент провалился. Потому что мужик у них, считай, прямо на столе умер. Они его минут двадцать реанимировать пытались. А ночью в морге, стал кто-то из холодильника стучаться... Ну они...

– И где же все это происходило? – перебил Луцика Сахно.

– В лаборатории, – ответил тот.

– В какой лаборатории? – спросил Сахно.

– В секретной.

Сахно фыркнул.

– Вот ты балбес! – сказал он. – Какие олени? Какой мох? Эксперименты были по личному указанию Сталина! Эти пердуны старые из ЦК, думали всех перехитрят. Думали, будут жить вечно... Так обнаглели, что Ленина даже закапывать не стали – ждали, что со дня на день придут ученые и сделают Владимиру Ильичу укольчик, от которого он сей же час вскочит и будет новей чем прежде... дырок под ордена навертели, лозунг придумали: Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить.

Кровник тихо засмеялся.

– Так что да... – кивнул Сахно. – Мертвяков они оживлять стопудово пытались. И что? Теперь всех, кто этим занимался, учеными называть? У нас за поселком в девятиэтаге жил один чудила. Дурковатый такой, под два метра ростом... Кошкин Доктор звали. Он по городу ходил и дохлых кошек собирал. А дома играл с ними в больничку. Раскладывал их по всей квартире в обувных коробках, надевал белый халат и лечил... Уколы им ржавыми шприцами делал, стетоскопом «слушал», капельницы в них втыкал... Прикинь, какой штыв в подъезде?

Кровник вскинул вверх правый кулак. Остановились. Навострили уши.

– Послышалось. Вперед!

Пошли дальше.

– Леха Саморядов рассказывал, – говорит Луцик. – У него, у бабушки, рядом с ее деревней была еще одна деревня. Безымянка. И все там в этой деревне всегда не слава богу... После взрыва в Чернобыле у них в той Безымянке все белые козы сдохли. А черные выжили. И главное никто не знает почему. Козы там с тех пор дают черное молоко...

Кровник различает легкую сизую дымку над землей. Туман. Он смотрит на часы. Ночь перевалила за середину.

– Там, в этой Безымянке, жил один пацан и любил одну девчонку. И был он где-то классе в девятом. А она на него не обращала внимания, а потом раз – и умерла. Ее отнесли на кладбище, похоронили, дело забылось. Ну, он пришел на кладбище ночью, вырыл ее, притащил

к себе в сарай, отмыл и говорит: «Вот видишь, когда ты была живая, ты смотрела на других мальчиков, а на меня не смотрела. А вот когда умерла, я один смотрю и люблю тебя». И стал с ней жить. Стал с ней жить, и у них родилось трое детей. Она мертвая была, и дети у них были полумертвые. Они стали подрастать, выползать по ночам на улицу и нападать на мелкий скот. Он видит, что уже опасно – не то получается. Он тогда вырыл могилу, положил жену свою, зарубил детей, сверху засыпал землей и понял, что живым надо жить с живыми, а с мертвыми жить нельзя...

Кровник шел, глядя себе под ноги.

– А вы как думаете, товарищ капитан? – спросил Луцик.

– Я??? – он так глянул на Луцика, что тот отшатнулся: показалось, будто капитан даст ему сейчас в морду, – Что думаю я? Я не хочу о них думать. Но когда мне приходится это делать, я вспоминаю своего доблестного командира гвардии подполковника Черного. Я с этим человеком десять лет ходил под пулями в Афгане. Он любого из нас прикрыл бы своей грудью, если потребовалось бы. И каждый из нас сделал бы для него тоже самое. Он как отец нам родной был. Батя – и все тут... Батяня наш... Так вот, гвардии подполковник Черный говорил: кровосос – он как снеговик. Понимаешь? Снеговиков человек лепит, и с кровососами, считай, та же история. Снеговик мог бы жить тыщу лет, но он гибнет от солнца. С кровососами сами видели, что на солнце творится. Так, что... Что бы они там о себе ни думали, для меня они – просто охеренно борзые снеговики, понятно?

Кровник нахмурился.

– Стой! – скомандовал он.

Остановились. Прислушались.

– Не сопи! – бросил Кровник раздраженно.

Сахно перестал дышать.

Кровник поднял палец вверх и погрозил небу:

– Вертушки!

У Луцика задрожали ноздри. Он зажмурился.

– Точно! – прошептал, распахнув глаза после продолжительной паузы. – Две!

Рокот. Едва различимый. Где-то на грани слышимости.

– Нас ищут! – это Сахно. Блестит расширившимися зрачками.

– Вряд ли, – Кровник покачал головой, – Хотя...

Рокот стал чуть громче. Потом начал удаляться.

– Так... – сказал Кровник. – Как я и думал, они не тупые. Они знают, что кроме как к железной дороге нам идти некуда. Они будут нас там ждать. Я бы на их месте нас там ждал...

Кровник смотрит на Луцика, на Сахно, на кейс в своей руке.

– Еще час идем вместе, потом выпускаем вперед дозорного, – говорит Кровник, – Бегом, марш!

Несколько секунд их темные фигуры мелькают среди стволов.

Потом исчезают и они.

Когда Косте было четырнадцать – вышел фильм «Вий». Знакомый пацан ездил с родителями в Москву и видел его там в кинотеатре. Он рассказывал такие ужасы, что у всех волосы шевелились. Как-то весной «Вий» на неделю привезли и в их город. Осип и Костя, сбежав с физкультуры, поехали на троллейбусе в центр города, к новому кинотеатру «Мир». Они упростили какого-то алкаша купить им два билета на вечерний сеанс.

Родители не пустили Костю в кино посреди недели. Они пообещали сводить его на «Вий» в субботу. Костя неохотно согласился.

Осип прибежал к нему за сорок минут до сеанса, уже в сумерках. Позвонил в дверь.

– Давай билет! – громким шепотом потребовал он, стоя на пороге.

Костя достал с полки «Шерлока Холмса». Билет лежал между сотой и сто первой страницами.

Осип пошел в кино с каким-то знакомым. Костя лежал, смотрел в потолок и завидовал. В час ночи он уснул и продолжал завидовать Осипу даже во сне.

Утром Саня не пришел в школу. На большой перемене Костя услышал, что Осип в больнице. Он побежал на угол и позвонил другу домой.

– Он болеет, – сказала бабушка Осипа и положила трубку: она не очень любила Костю.

Перед последним уроком он узнал и вовсе шокирующую новость: ночью в парке убили десятиклассницу Людочку Кривицкую.

– Что??? – Костя Кровник остолбенел.

Людочка Кривицкая была самой красивой девушкой школы. Она была юна и прекрасна и, кажется, всю жизнь занималась художественной гимнастикой. Окруженная стайкой таких же красавиц-подружек, она посещала все танцплощадки города, но никто не приглашал ее танцевать. Самоубийц не было. Старшему брату Людочки Кривицкой было тогда двадцать пять. Он ходил в клешах, с рыжими патлами до плеч и выкидухой в кармане. Никто никогда не видел, чтобы он улыбался.

Все звали его Серега Крива. При знакомстве он запросто мог дать человеку в бубен. Это означало, что новый знакомый Криве не понравился. А еще у него было около тридцати-сорока друзей, выглядевших и ведущих себя так же, как и он сам.

Людочка не походила на родственника ни внешне, ни внутренне: она была прекрасна, как ангел. В отличие от брата, она много и с удовольствием смеялась. Костя влюбился в нее еще в первом классе, на самой первой линейке по поводу самого первого звонка. Он – всегда тайком – смотрел на нее, испытывая странную радостную печаль.

Людочка убита. Не только Костя – вся школа в шоке.

Несколько зареванных девичьих лиц, испуганные преподаватели, десятки порхающих между рядами записочек и нервный вибрирующий шепот на задних партах – в этот день последний урок у первой смены прошел очень скомкано.

Звонок – и все ринулись во двор. Врать и слушать восторженное вранье.

Говорят, ее зарезали. Еще ее изнасиловали.

Не зарезали и не изнасиловали. Ее задушили специальной удавкой.

Нет, говорят, ее задушили леской, а потом собаки ее покусали.

Покусали??? Как покусали???

Зубами покусали! Ее потом собакам кинули!

Да не кинули! Они ее уже мертвую нашли и грызть стали!..

Костя, ошавев от полученной информации, пошел домой. Перепрыгивая через три ступеньки, он взлетел на свой этаж и, не разуваясь, схватил телефон. Трубку взяла мама Осипа. Она сказала, что ее сын отравился и сейчас лежит в больнице, в изоляторе. Что всю ночь ему было плохо, что скорая поставила ему капельницу и увезла в инфекцию.

Костя бегал к городской больнице и лазил на цветущие яблони, заглядывая в окна второго этажа, но Саню так и не увидел.

На обратном пути, за домом, Костя встретил Миху Слона и Зуба. Они, разломав старый аккумулятор, выковыривали пластины свинца, плавил его в консервной банке и отливали кастеты, сделав формы прямо в мокром песке. Они лениво поведали, что к Осиповым приходила милиция. А еще час назад заявился Крива со своими друзьями и тоже спрашивал про Саню. Костя, холодея, узнал, что Крива, расспрашивал и про друзей Осипа. Озираясь, он добрел до своего подъезда, а потом до глубокой ночи осторожно выглядывал во двор.

Утром он взял мамино зеркальце и, взобравшись на гаражи, стал пускать солнечных зайчиков в окна Саниной квартиры. Он увидел, как дрогнула занавеска. Потом он увидел Осипа.

Тот приложил невидимую телефонную трубку к уху и несколько раз крутанул пальцем невидимый диск. Костя спрыгнул с гаража и побежал к себе домой. Он влетел в пустую квартиру, захлопнул за собой дверь и тут же зазвонил телефон на тумбочке.

– Алле?.. – насторожено сказал он в трубку.

Звонил Осип. Говорил, что родители ушли на работу, а бабушка на рынок. Звал к себе. Костя побежал – ходить в такой ситуации казалось ему нелепым. Осип открыл после условного стука, быстро захлопнул за ним дверь, защелкнул ее на два засова и цепочку.

Он был в пижаме, и от него пахло лекарствами. Осип испуганно улыбался.

– Ну, ты как? – спросил Костя.

– Нормально, – сказал Осип и вздрогнул: во входную дверь постучали.

Осип и Костя, выпучив глаза, смотрели друг на друга.

«Кто это???» – одними губами спросил Саня.

«А я знаю???» – ответил ему друг.

Стук повторился. На этот раз чуть громче. Осип на цыпочках прокрался к дверному глазку, но так и не решился в него посмотреть.

«Спроси кто!» – беззвучно артикулируя и размахивая руками, попросил Осип.

Костя отрицательно замотал головой: нет!

В дверь постучали третий раз.

Осип молитвенно сложил руки.

Костя скривился, как от зубной боли, и схватился за свои волосы.

– Кто там? – вдруг громко спросил он, взяв какую-то неестественно высокую ноту.

– Сашу можно... Осипова?.. – незнакомый голос из-за двери.

Осип замахал руками и головой.

– А кто его спрашивает? – так же громко и так же неестественно высоко спросил Костя.

– Сергей.

– Какой Сергей?

– Кривицкий.

Осип побледнел. Он даже присел от ужаса. Он смотрел на Костю.

– А его нет... – неуверенно сказал Костя.

– Конечно, нет, – сказал Крива, – Пусть к двери подойдет. Поговорим.

Осип смотрел на Кривника.

– Я тут... – наконец сказал он в замочную скважину.

Костя услышал, как кто-то на лестничной площадке чиркнул спичкой. Через несколько секунд запахло куревом: Крива курил папиросу, там – за дверью.

– Ну? – сказал Крива, – Расскажи мне, что ты мусорам рассказывал... Что ты там видел...

Костя молчал, удивленно глядя на Осипа.

Осип тоже молчал, нахмурившись.

Оба они слышали, как Крива выдохнул дым и снова затянулся своей папиросой.

– Ты меня слышал? – зло сказал Крива. – Или уши прочистить?

Осип захлопал ресницами, переступил с ноги на ногу и засопел.

– Что рассказывать? – спросил он.

– Все рассказывай! Я за Людку порежу ломтями! Я тебе отвечаю – я любого порешу, ты понял меня? Она вчера в кино пошла. Говори, кого с ней видел? С кем она ушла? Говори! Ниче тебе не будет, отвечаю!

– Ладно... – сказал Осип.

Осип соврал отцу, что идет в кино с выдуманным другом Глебом и его выдуманными родителями.

На самом деле он пошел на «Вия» один. Он надеялся продать лишний билет и съесть мороженого в буфете. Это ему удалось. Билет он продал какому-то мужику, который без проблем провел его на этот вечерний сеанс. «Вий» оказался страшнющим кино про летающий гроб с покойницей и вурдалаков, бегающих по стенам. Осип, открыв рот, честно боялся до финальных титров. Пару раз ему было по-настоящему страшно.

– Чуть не устрался! – сказал он.

Позади Сани, на последнем ряду, в самом углу сидела парочка. Парень в темном пальто и девчонка в чем-то светлом. Они шептались и хихикали. Осип обернулся на них пару раз и вдруг понял что девушка – это Людочка Кривицкая.

– Как выглядел этот покойник? – глухо спросил Крива из-за двери, – Как он выглядел, этот ходячий труп? Этот не жилец на этом свете, когда я его встречу, я отвечаю – как он выглядел??!

Осип не рассмотрел его как следует. Он заметил, что этот парень положил ей руку на грудь, а она руку эту не убрала. Осип сказал, что они стали целоваться.

Крива заскрипел зубами за дверью.

– Как не рассмотрел??? – спросил он, – Какого цвета волосы? Лет ему сколько? Видел ты его раньше? Усы есть? Похож он на кого-нибудь?

Осип сказал что волосы у того были темные. Усов и бороды не заметил. Лет ему примерно как Криве. Раньше Саня его никогда не видел. Ни на кого вроде тот мужик похож не был.

– Хотя...

Осип невидяще смотрел в зеркало у вешалки.

– Че? – Спросил Крива в замочную скважину.

– Ну ты подумай, что я... – Осип выглядел смущенным. – Это...

– Блядь, говори уже!

– Мне показалось что он очень похож на этого...

Осип взялся за голову.

– Который в этом... как его...

Осип бешеным взглядом уставился на Костю сжимая свою черепушку.

– В «Разводе по-итальянски» снимался!!! – вдруг радостно воскликнул Осип взмахнув руками. – Этот!.. марче... марсе...

– Марчелло Матростянни? – спросил Крива.

– Да! – так же радостно воскликнул Осип. – Да! Вылитый!

С площадки не доносилось ни звука.

Костя, скривившись, постучал себя пальцем по лбу.

– Я ж кино смотрел... – пробормотал Осип. – А не на него...

– Дальше. – сказала замочная скважина.

Когда включили свет, и все встали со своих мест, Саня вышел из кинотеатра и пошел за ними.

– Че ты за ними поперся? – спросил Крива. – А?

Осип покраснел.

– Я это... – сказал он и покраснел еще больше, – я думал, что они это...

– Понятно, – сухо сказал Крива. – Что дальше?

Людочка и мужчина свернули в парк и стали прогуливаться по ночным аллеям.

Осип, не дыша, следовал за ними по параллельной асфальтовой дорожке, усаженной акациями. Он шел и думал, что ему повезло. Что сейчас он увидит нечто затмевающее всех бегающих без купальников девок. Он увидит, как будут дрючить первую красавицу школы.

– Он что-нибудь говорил про себя? – спросила замочная скважина голосом Кривы. – Где работает? Где живет? Местный? В командировку приехал? Имя? Как она его называла?

– Никак не называла. Она просто говорила ему «ты».

Осип очень хотел в туалет и даже хотел слегка отстать, но так и не решился: в такой-то тишине его журчание будет слышно за километр. Поэтому он терпел и слушал неспешную беседу, доносившуюся до него из-за деревьев. Он слышал сонное ворчание ворон где-то рядом.

– Ты такой... Необычный молодой человек...

– Не такой уж и молодой...

– Ой, надо же!.. Он кокетничает!.. Ты кокетничаешь?

– Нет.

– Ты, наверное, милиционер, да? Или бандит?

– Не милиционер. И не бандит.

– Какие мы секретные!.. – сказала Людочка и вдруг хихикнула. – Ой! Я же поняла! Ты – шпион! Да?!

– А что, так заметно?

– Блииин! Я так и знала! – воскликнула Людочка, – Как интереснааа!.. А ты чей шпион?

Наш?

Осип видел, как он покачал отрицательно головой. Людочка зажала рот ладошкой:

– Немецкий???

– Нет.

– Ух ты!.. А чей? Английский?

– По правилам, – голос его Осип описал как тихий, но громкий, – если я скажу тебе об этом хоть слово, я...

Он сказал что-то ей на ушко.

– Хо-хо! – притворно испугалась Людочка. – Как страшнооо!.. Так чей шпион ты?

Она взяла его под руку но, не пройдя и трех шагов, они остановились.

Осип вдруг понял, что они прошли почти весь парк насквозь и находятся рядом с городским бомбоубежищем. Совсем недалеко от входа. «Сейчас он ей впердолит!» – взволновано подумал Осип.

– Я разведчик, – сказал кавалер Людочки.

– Американский?

– Нет.

– О! Поняла! Японский!

– Нет. Я не принадлежу к разведке ни одной из перечисленных тобой стран.

– Да? А из какой тогда ты?

– Не из какой.

– В смысле?

– Ни из какой. Такой страны нет.

Осип говорит, что Людочка на пару секунд замолчала.

– Фу, дурак! – воскликнула она и хлопнула его по рукаву. – Пойдем?

– Нет, – сказал он.

Осип говорит, что это было похоже на взрыв – огромная стая ворон, устроившаяся на ночлег, сорвалась с деревьев, вереща во всю силу своих голосовых связок. Вороны вопили как полоумные, с перепугу сталкиваясь в воздухе и гадя на лету. Осип слышал, как сотни их крыльев режут воздух, и как где-то рядом шмякается на асфальт их помет, падая с высоты. Но не это испугало его.

А он испугался.

Так – что по ляжкам потекло горячее.

Людочка кричала. Кричала там – в этой темноте. И Осипу казалось, что ее крик мечется среди деревьев, искажаясь. Словно кто-то воет, передразнивая ее. А потом – почти сразу – она начала хрипеть. И Осип услышал странные звуки.

– Что за звуки? – спросил голос из замочной скважины.

– Звуки... – повторил Осип. – Странные звуки...

– Как что? – Косте казалось, что слова даются Криве с трудом. – Звуки похожие на что?

Осип пожал плечами.

– Ни на что не похожие... – сказал он, наконец. – Я таких звуков в жизни до того не слышал... Я и милиционерам об этом же рассказал...

– Что ты там еще им рассказал? – спросила замочная скважина.

Осип хотел убежать, но не мог пошевелиться и просто стоял, держась за дерево, а потом увидел какое-то движение.

Движение у входа в бомбоубежище.

Ему показалось, что кто-то приоткрыл огромную толстую дверь, ведущую под землю, и бесшумно юркнул туда – в черный зев.

– Все? – спросил Крива.

– Все... – ответил Осип.

– Нет... – помедлив, сказал Крива. – Не все.

Осип молчал.

– В обморок ты че упал? – спросил Крива, – А? Валялся там обосанный весь... в вороньем говне... Сторожа тебя нашли?

Осип молчал.

– А? – спросил Крива.

Осип выглядел так, словно сейчас еще раз бухнется в обморок.

Осип сказал что тот – **ТОТ** в темноте – прежде чем нырнуть в черный провал бомбоубежища, вдруг замер на пороге.

– Он обернулся, – сказал Саня. – Он обернулся и посмотрел на меня.

Милиция прочесала главное городское бомбоубежище два раза. Обнаружила еще один выход, намертво заваренный изнутри и склад покрытых плесенью противогазов. Больше ничего.

На похороны Людочки собралось полгорода. Костя тоже там был. Ему было неприятно: все шептались и с интересом заглядывали в гроб, пытаясь рассмотреть ее шею – говорили, неведомый убийца хотел оторвать ей голову. Говорили, что этот нехристь издевался над бедняжкой и пытался перепилить ей шею тупой ножовкой – такие жуткие рваные раны! Много чего говорили. Даже что убийца был людоедом и откусил от нее кусок. Под душераздирающую музыку и вой женщин Людочку Кривицкую положили в машину и увезли на кладбище.

На следующий день в школе начались экзамены.

«Стоп!» – Кровник жестом приказывает Сахно остановиться.

Стоят. Слушают. В который уже раз за последние несколько часов? Туман, еще полчаса назад доходивший им до колен, сейчас повсюду. Накрыл их с головой. Глушит все, как вата. Полчаса назад они отправили в эту предрассветную молочную мглу Луцика. Он примерно в трехстах метрах впереди. Он дозорный. Если что – он должен вступить в бой, должен поднять шум, давая знать о засаде.

Если что?

Кровник кусает нижнюю губу. Трогает Сахно за рукав, показывает ему – «обходим!».

Они начинают забирать правее. Идут быстро. Крутят своими стриженными головами по сторонам. Туман начинает редеть, превращается в полупрозрачную дымку и неожиданно заканчивается.

Они выходят из него, как из облака. Как из белой клубящейся стены.

Отходят недалеко и замедляют шаг. Останавливаются совсем.

Пахнет близкой рекой.

Кровник смотрит на мальчишку.

Маленькая ладошка, вцепившаяся в его руку, холодна как лед. Ребенок смотрит на него снизу вверх. Зрачки – как две крупных вишни. Кровник понимает, что у мальчика от страха дрожат коленки.

Кровник с трудом забирает у него свою руку.

«ТИХО!!!» – показывает он.

Сахно медленно ставит кейс на землю.

Они упираются плечами в приклады и поднимают стволы.

Стоят и смотрят туда, откуда пришли.

Слышат шелест в тумане: кто-то быстро-быстро бежит по мху, растущему между деревьям.

Они слышат сопение: кто-то нюхает холодный воздух негромко, фыркая.

Кровососы. Тут. Стоят прямо в тумане. Метрах в тридцати отсюда.

Легкий холодок в животе. От этого холодка начинает неметь солнечное сплетение и корень языка. И сердце – оно начинает пропускать удары.

Сахно плавно ведет стволом влево. Еще левее. Еще.

Он прикасается щекой к ложу и вкладывает правую глазницу в оптический прицел. Левее. Еще левее.

Они словно проявляются на фотобумаге – три темные фигуры, шагнувшие из тумана.

В ту же секунду он и Сахно начинают стрелять.

Он бежит.

Бежит изо всех сил.

Бежит, чувствуя их дыхание за спиной.

Чувствуя как душа уходит в пятки.

Держа в одной руке кейс, а в другой сжимая ладонь мальчишки.

Вниз, по склону холма, который хлещет голыми ветками кустов по бедрам и животу.

Споткнутся – и полетят вниз головой, кубарем, кувырком – сдирая лица, ломая руки и ноги.

Споткнутся – и им конец.

Они бегут.

Бегут, не чуя земли под ногами. Не имея возможности лавировать – просто несутся вниз, к земному ядру, под воздействием силы притяжения. Попадись им сейчас на пути дерево – расшибуются насмерть.

Но здесь нет деревьев. Деревья остались позади.

Где-то там, среди деревьев, он на ходу сбросил свой РД – рюкзак десантника.

Где-то там позади остался Сахно. Еще полминуты назад были слышны его выстрелы.

Сейчас – нет.

Они начали стрелять одновременно, по трем силуэтам, вынырнувшим из тумана.

Одному из них Сахно попал в шею. Двум другим они попросту снесли черепные коробки – рухнули как подкошенные.

Долгие несколько секунд ничего не происходило, и вдруг (!) – они с Сахно посмотрели друг на друга – паровозный гудок! Где-то совсем рядом!

И тут же – **ВОЙ ЖУТКИЙ** – от которого кровь стынет в жилах.

Кровник не успевает обернуться – Сахно молниеносно вскидывает оружие и делает три быстрых выстрела куда-то ему за спину:

– **БАХ-БАХ-БАХ!!!**

– Поезд! – говорит оглохший на одно ухо Кровник и дергает головой. – Там!

Он забрасывает автомат за спину, хватая левой рукой кейс, правой – пацана:

– За мной!

Выстрелы за спиной. Это Сахно, став на одно колено, вколачивает пулю за пулей в шевелящийся туман.

Лес кончился.

Лес остался позади.

Он бежит вниз по склону холма и видит белеющую полосу неба где-то впереди. Рассвет начнется с минуты на минуту. Он видит – где-то там же – впереди – широкую реку в клочьях тумана. И еще ближе – вот прямо у подножия этого холма – железнодорожную насыпь с полосками рельс. Кровник слышит поезд, его лязгающий шум. Он видит свет его прожектора, ползущий по рельсам откуда-то из-за поворота. Он видит сам тепловоз – урчащую квадратную коробку с мощным фонарем в квадратном лбу. Тепловоз, натужно гудя, тащит за собой пустые платформы. Одна за другой, гроыхая на стыках, появляются они из-за холма. Кровнику кажется, что тепловоз ползет как черепаха. Как ленивая сонная змея.

Ему кажется, что они сейчас с разгону перепрыгнут его. Взлетят над рельсами и перемахнут состав в два счета – вот как быстро они бегут. Вот как несутся, вниз сшибая остатки желтой листвы.

Они уже не могут затормозить. Они уже не могут бежать быстрее. Еще немного – и отвалятся ноги.

И тут (наконец-то!) склон заканчивается.

Кровник делает несколько шагов по ровной поверхности и чуть не воеет от боли: судорогой свело все мышцы ног. Он спотыкается. Еще раз.

«Сейчас упаду» – думает он, но чудом умудряется удержаться на ногах.

Рукоять кейса скользит в мокрой ладони.

Ему кажется, что он больше не сможет сделать и шагу.

Пот заливает глаза. Капает с носа.

– Бах! – сзади, – Бах! Бах!

Они стреляют в него на ходу. Летят вниз по склону, не разбирая дороги, поднимая пыль и ломая ветки.

Не зная, как это у него получается, он сгибает правую ногу в колене и переставляет ее вперед. Делает шаг. Другой.

Он бежит! Бежит по гравии железнодорожной насыпи вдоль едущего вровень с ним поезда. Вдоль платформы с остатками песка. Дорога начинает еле заметно изгибаться, и поезд послушно начинает изгибаться вместе с ней. Стук колес о стыки рельс – метроном, задающий темп.

– **БАХ!!!** – сзади.

Они, не отставая, бегут метрах в тридцати позади него, стреляют не целясь:

– **БАХ!!!** – пуля рикошетит о колесо, выбив одинокую искру. Он бросает еще один взгляд за спину, и сердце его останавливается: они уже в двадцати метрах от него. Он видит черные фигуры, выбежавшие из леса чуть впереди и несущиеся ему наперерез.

Кровник швыряет дипломат на платформу. Сжав зубы и зарывав, так что вспухли вены на лбу, он хватая мальчика одной рукой за пояс, другой за шкуру и рывком подсаживает его повыше.

– Давай! – вопит Кровник.

Малый, издав невнятный писк, цепляется руками и одной ногой за борт. Дернув пару раз кедом в пустоте, он как таракан вскарабкивается на платформу и отползает от края. Он смотрит на Кровника, бегущего почти вровень. «Почти» – потому что поезд явно начинает ускоряться.

Борт платформы не спеша проплывает мимо него. Он видит, как его обгоняет информация о заводе изготовителе и дате последних испытаний. Кровник в отчаянии понимает, что его-то самого некому схватить за ремень и воротник. Его-то посадить некому. Кровник бежит, смотрит на пацана и видит, как тот медленно начинает удаляться от него. На метр. На два метра. Пять. Он наблюдает, как откуда-то из-за его спины выезжает неаккуратно выведенный через трафарет восьмизначный инвентарный номер. Он видит лесенку. Узкую лесенку из тех, которыми пользуются железнодорожные составители: два «уголка» с приваренными поперек обрезками арматуры вместо ступенек.

Задержав дыхание и оттолкнувшись от земли, Капитан Кровник взлетел над железнодорожной насыпью и со всей дури ударился об измазанную мазутом гнутую конструкцию в три ступеньки.

Он отсушил себе бедро и больно стукнулся коленом, а не будь бронежилета, точно сломал бы пару ребер. Он нащупал подошвой перекладину, вцепился фалангами в какой-то выступ и втащил себя на платформу. Расстегнул кобуру и перекатился на живот, принимая позицию для стрельбы.

Где-то далеко позади он увидел черные фигуры, быстро бегущие в сторону леса.

Он упал на спину и лежал, задыхаясь, хрипя бронхами и наблюдая светлеющее небо сквозь темные пятна перед глазами. Одна мысль пульсирует в ничего не соображающей черепашке: «*ушли... ушли... ушли...*» – и сам не поймет, о ком это он.

Ушли.

Костя Кровник обожал кино. Он любил в кино все. Это был культ. Черета магических обрядов, священный ритуал. Ему нравилось покупать билет, нравилось, когда гас свет.

Кино – Настоящее Кино, это волшебство в чистом виде – могло жить только так – в полной темноте.

Кино пряталось от солнца, от его разящих лучей, и это только подтверждало его магическую сущность. Оно существовало в своем замкнутом непостижимом мире. В своем собственном храме, уставленном рядами жестких откидных сидений. В запечатанном изнутри и снаружи ящике-гrote. Оно заставляло жить в своей странной нечеловеческой скорости – 24 кадра в секунду. Костя знал, что там – у киномеханика, в его всегда запертой изнутри клетушке, в круглых плоских гробах – лежат свернувшиеся кольцами стокилометровые целлулоидные змеи. Мертвые. Неподвижные. И больше никто – он один, этот киномеханик, этот жрец знал секретные заклинания, вызывающие их к жизни. Разжигающие волшебный луч в священной лампе. Луч, заставляющий двигаться тех – на экране.

Костя знал, что все снятое на пленку проходит загадочный ритуал обращения.

Обращения В.

Где-то далеко под фанерными декорациями киностудий, в низких сводчатых подвалах молчаливые люди кипятили пленку в огромных закопченных котлах, помешивая деревянными веслами, вываривая из нее все, имеющее отношение к земному. Заставляя белое становиться черным, а черное белым. Маскируя непроглядную ночь под солнечный день, подменяя светом мрак.

Потом другие молчаливые люди, дыша ядовитыми парами, варили пленку в своих котлах – таких же огромных и закопченных. Они большими деревянными ложками снимали с поверхности варева угольную пенку, черный деготь-негатив. И все сыпали в емкости белый поро-

шок-позитив, все подсыпали его из больших специальных солонок. Обращая мрак обратно в свет, а белое обратно в черное... А потом долго и тщательно пленку отмывали в огромных купелях шепча заклинания. И потом еще дольше сушили при свете красных фонарей...

Костя знал: те, что на экране, это уже не актеры. Не люди. Где-то там, в подвалах, где-то в этих больших кипящих чанах они растворялись крупинками сахара на дне, теряли себя, свои тела и становились бестелесными.

Он знал, что они другие. Не такие как он. Совсем. Они джины. Заложники лампы. Рабы целлулоида. Духи. Это волшебство заставляет их двигаться и говорить. Священная лампа пропускает свой магический свет сквозь их бесплотную сущность, и они вырываются на свободу... Они вырастают в великанов на трехэтажной белой стене – экране... громогласно хохочут, ненавидят, любят, мстят... Они живут свой краткий миг. Хронометрированный отрезок времени от начальных до финальных титров.

Этим *другим*, этим духам, живущим в дырчатом по краям целлулоиде, он прощал все: бесконечные патроны в револьверах, прыжки без парашютов с телебашен и погружения на дно океана без акваланга.

Он прощал им все. Все кроме одного.

Он просто ненавидел то, как в кино запрыгивали на едуший поезд. Просто ненавидел. Сколько раз маленький Костя Кровник презрительно качал головой, видя все эти неубедительные попытки индийских актеров. Он закатывал глаза, наблюдая нелепые прыжки французов. Он раздраженно фыркал и разводил руками, наткнувшись на подобную сцену в отечественном кинофильме.

Его бесили эти бестолковые взрослые.

Уж он-то знал, КАК это нужно делать.

Он-то понимал, ЧТО самое главное в такой ситуации.

Капитан Кровник лежал на спине и смотрел в светлеющее с каждой секундой небо.

Существуй машина времени, он бы вернулся в свое прошлое.

Он бы вернулся в свое детство и нашел бы там себя, беззаботного советского пионера.

Он бы надрал уши этому жадному малолетнему филателисту.

Надавал бы подзатыльников и отвесил хорошего пендаля этому юному кинолюбу.

Этому самоуверенному чванливому всезнайке.

Осип еще долго отказывался ходить в кино. Постоянно придумывал какие-то причины.

Костя знал, что Осип боится. Боится столкнуться там с Кривой. Тот бухой частенько забредал в кинотеатры города и бродил по задним рядам, наступая на ноги и заглядывая в лица. Костя не осуждал Осипа.

Сергея Крива, в конце концов, совсем поехал крышей. Он ходил с совершенно обезумевшими глазами и часто разговаривал сам с собой. Люди, которые и так его всегда побаивались, стали при встрече переходить на противоположную сторону улицы.

Однажды к его дому подлетела пара желто-синих машин с мигалками. Криву выволокли из подъезда и увезли в горотдел. Почти сразу стало известно, что в ГОВД потащили и нескольких его дружков. Вечером весь город знал – убийство.

Оказывается, Крива и его жиганы каждый вечер, как стемнеет, или к бомбоубежищу.

Вооруженные финками, железными палками с гвоздями и обрезом, они до утра дежурили у больших, крашенных черной краской дверей, ведущих под землю. Они, спрятавшись за деревьями, сидели в засаде – молча, не куря сигарет и вслушиваясь в темноту.

И однажды, глухой безлунной ночью они услышали, как дверь бомбоубежища приоткрылась. И как кто-то осторожно прикрыл ее за собой. Они услышали легкие шаги и увидели быструю тень.

Они бросились на него, как свора диких псов, но он оказался нереально здоровым – сбил их с ног и расшвырял во все стороны. Кровь брызнула из разбитых сапогов. Выбитые зубы веером разлетелись в темноту и зацеккали по асфальту.

Крива пальнул в него из обрезка. Дуплетом из двух стволов. И тогда они, совсем озверев стали бить его ножами. Палками. Ногами.

Говорят, Крива рыча пинал уже бездыханное тело. Говорят, они жгли его паяльной лампой – утром, когда солнце уже встало, сторожа нашли обугленный труп в луже застывшей крови – его так и не смогли впоследствии опознать. Криву сдал кто-то из соседей – видели, как он под утро, шатаясь, весь в крови, вползал в свой подъезд.

И как ни клялись потом он и его дружки, что никакой паяльной лампы не было – им никто не поверил.

Криве дали вышку, а дружки его ушли по этапам на разные сроки за особо зверское групповое убийство.

Поезд, описав широкую дугу, снова вернулся к реке.

Кровник сунул пистолет в кобуру, поднялся на ноги и, пошатываясь вместе с платформой, потопал к лежащему на боку черному чемоданчику. Ребенок сидел на небольшой куче песка. Кровник осмотрел кейс со всех сторон. Потом подошел и плюхнулся рядом с пацаном, вытянув гудящие ватные ноги.

Солнце окрасило красным верхушки сосен на другом берегу. Раскалило их добела и, наконец, показало ослепительный краешек своего первого луча. Кровник зажмурился, подставляя ему подбородок и шею. Глядя изнутри на свои горящие красным веки. Чувствуя лицом небесное тепло. Он повернул ухо в сторону локомотива. Открыл глаза.

Состав приближался к горбатой железной конструкции – мосту через реку, стоящему на четырех бетонных ногах-опорах и оттого издали похожому на слона. Они пересекли его, глядя на быструю мутную воду с пятнадцатиметровой высоты, слушая оглушительный грохот и чувствуя, как вибрирует все это большое инженерное сооружение.

Через пару минут и река, и мост исчезли где-то позади. Крутолобые лысые холмы с густыми сосновыми верхушками, до того подступавшие к самому полотну, стали отползать назад, уменьшаться в размерах. В тот момент, когда поезд совершал очередной затяжной поворот, Кровник почувствовал знакомый запах: словно какими-то пряностями пахло клейкой смолой, терпкой корой и опилками.

Кровник увидел неожиданное сейчас и невиданное им ранее зрелище. Он узрел безбрежную пустыню. Затертую зеленую скатерть, усыпанную крупными пятаками до самого горизонта. Он увидел вырубленный лес. Голое пространство в миллион пней.

Они ехали какое-то время по этому полю. Зеленому полю, уставленному здоровенными круглыми столами для какого-то пиршества. Или колодами для усекновения глав. Поезд еще раз изогнулся, снова нырнул в лес, и запах хвои вытеснил все остальные.

Кровник, задрал голову, смотрел на верхушки сосен, проплывающие над ними. Чередование пятен и теней – сюда солнце окончательно продерется минут через двадцать.

Поезд дернулся. Еще раз. Кровник посмотрел по сторонам: начинают замедлять ход. Он увидел вдалеке между стволами небольшой деревянный дом, спящий с потухшими окнами в этакую рань. Кровник смотрит на часы: начало шестого. Он видит еще один дом – большой, натуральная изба. В окнах его тоже не видно света. Кровник осматривает проплывающие мимо него сараи. На одном из таких сараев он замечает большие белые буквы «магазин». Одинокая голая лампочка висит в решетчатой колбе-фонаре над крыльцом. Они медленно проезжают мимо нескольких вагончиков-прицепов. Их темные окна занавешены изнутри.

Словно не желая спугнуть последние утренние сновидения, тепловоз медленно ползет вдоль спящего поселка. Они проезжают аккуратно связанный штабель досок. Спустя секунду

вокруг них вырастают стены из поставленных один на другой штабелей. Они едут по бревенчатой, пахнущей пиломатериалами «улице» с четырехэтажными «домами» без окон и дверей. Видят узкие «переулки» между пачками досок, уходящие влево и вправо от железки. Замедляясь, проплывают под подъемным краном, нависшим над железнодорожным полотном. Кровника и мальчишку словно магнитом начинает клонить вправо. Наконец, хорошенько дернувшись, поезд останавливается совсем.

Кровник берет за ручку чемоданчика и смотрит на своего попутчика.

– *Идем*, – шепчет он и манит его за собой.

Они перелезают через борт и спрыгивают на шпалы недалеко от полосатого столбика-семафора.

Присев, Кровник смотрит в сторону тепловоза – тот, задрожав всем своим большим квадратным туловищем, наконец, замолкает. Он видит человека, спускающегося из кабины. В руках у него предмет, очень похожий с такого расстояния на пожарный шлем. Человек не спеша шуршит подошвами по гравии. Он движется в сторону водозаборной колонки, торчащей из земли. Скрипя рычагом, начинает набирать воду в пожарный шлем, оказавшийся чайником. Кровник берет малого за руку: пошли.

Сделав несколько шагов вдоль состава, они находят брешь в стене штабелей, ныряют в этот коридор, сворачивают за угол и оказываются в «переулке» идущем параллельно соседней «улице», которую только что покинули. Узкая полоска неба где-то вверху. Они быстро лавируют между кубометрами леса, очищенного от коры, распиленного, отсортированного, увязанного в прямоугольные пачки. Они сворачивают еще пару раз и выглядывают из-за угла: длинное деревянное строение. Рядом еще одно – такое же деревянное и длинное.

Лесопилка. Молчащая сейчас.

Пригнувшись, огибая кучи опилок и увлекая за собой пацана, Кровник быстро движется к обратной, невидимой ему сейчас стороне здания. Видит скамейку под грубым козырьком и железное ведро. «Место для курения» вывел кто-то от руки на листе фанеры. Минуют красный пожарный щит: багор, красное треугольное ведро, топор, железный ящик с песком. Прислонившись спиной к неровной стене, Кровник выглядывает из-за очередного угла. Он видит несколько бараков, обитых кусками листового железа. Такой же безликий, как и все остальные постройки вокруг, один из них все-таки приковывает к себе его внимание.

Кровник достает бинокль: точно, не показалось. Рядом с баракком, на верхушке побуревшего от времени столба – металлическая коробка. Провод от нее идет куда-то под крышу сарайчика.

Телефонная линия.

Он направляет бинокль в сторону поселка. Тишина. Никакого движения. Наводит резкость на тепловоз – то же самое.

Кровник прячет бинокль и смотрит на часы. Он не спит уже сутки.

Две тени – большая и маленькая – бегут вдоль окон и ныряют за следующий угол. Кровник осторожно заглядывает в небольшое окошко. Прислоняется лбом к стеклу. Он видит шкаф, несколько стульев, пару столов. На одном из них стоит белый телефонный аппарат.

Кровник опускает «дипломат» на землю и став на одно колено быстро осматривает замок на железной двери, ведущей внутрь. Достает из под сумки на поясе связку отмычек. Он как раз выбирает одну из них – такую же хитроумно гнутую, как и все остальные – когда из-за угла выходит собака.

Кровник замирает.

Большой мохнатый пес неопределенной породы и такой же неопределенной расцветки. Стоит и смотрит на них. И они, не шевелясь, смотрят на него. Пес дергает своим крупным носом, нюхая утренний воздух. И вдруг неуверенно виляет хвостом.

Кровник, помедлив, мягко похлопывает себя по бедру:

– *Иди сюда...* – шепчет он. – *Ну?.. Иди...*

Псина, высунув язык и помахивая хвостом-веревкой, подходит вплотную.

Мальчишка рассматривает собаку, открыв рот.

– *Погладь...* – шепчет Кровник. Ребенок переводит взгляд на него.

– *Погладь... Не бойся...*

Мальчишка смотрит не шевелясь. Не поймешь... Вроде слушает. Глаза внимательные.

Кровник сам гладит псину. Он протягивает руку и осторожно чешет за мохнатым ухом.

Пес дружелюбно жмурится.

– *Хороший...* – шепчет Кровник зыряка по сторонам. – *Хороший...*

Он, поглаживая пса левой рукой, правой вставляет отмычку в замочную скважину.

Щелчок.

Пес фыркает. Смотрит снизу вверх.

Кровник хватает кейс, малого, входит внутрь и прикрывает за собой дверь.

Он прикладывает трубку к уху: гудок. Выдергивает телефонный шнур из аппарата и мотает его на согнутую в локте руку. Дойдя до стены, одним движением вырывает шнур из розетки. Швыряет моток на стол. Распахивает шкаф: брезентовый плащ-дождевик, черные спецовки. Он срывает одежду с вешалок и швыряет ее туда же, куда и провод – на стол. Он видит несколько пустых пыльных мешков, брошенных кучей в углу. Кровник расправляет один и сгребает в него все со стола, сует туда же кейс и последним – телефон. Он забрасывает мешок за спину, выглядывает в окно и приоткрывает дверь. Прислушивается. Берет мальчика за руку, и они быстро выходят на улицу.

Тишина. Кровник бросает взгляд на часы, подходит к столбу и смотрит вверх.

Строго следуя за телефонным кабелем и отойдя примерно на полкилометра от поселка, Кровник поставил кейс на землю. Он посмотрел на ребенка, открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал и начал расстегивать бронезилет. Снял его через голову и положил на землю. Достал из мешка моток провода и ножом зачистил один из его концов. Сделав из ремня петлю, он вскарабкался на столб и, ковыряясь там какое-то время, что-то срезая и прикручивая. Затем он спустился вниз и воткнул штепсель в телефон.

Он снял трубку и приложил ее к уху: гудок.

Потянулся к диску, собираясь набрать номер, – и услышал шорох в ближайших кустах.

Кровник расстегнул кобуру и взялся за рукоять пистолета. Из кустов вышел давешний пес. Он с интересом посмотрел на Кровника, на телефонный аппарат в его руке и уселся на землю.

Кровник покачал головой и набрал восьмерку. Еще раз. Подержал подольше рычаг сброса и попробовал еще разок – бесполезно. Постоянный срыв сигнала. У этой линии нет выхода на межгород. Это какая-то местная АТС, зацикленная сама на себя... Он раздраженно сдернул провод со столба и смотал его в неаккуратный моток.

Прислушался.

Самолет. Не реактивный. Какая-то двухмоторная керосиновая тарактелка. Кровник сует провод и телефон в мешок, разворачивает карту. Аэродром малой гражданской авиации. Около двадцати километров на северо-запад по прямой. Складывая карту, Кровник замечает, что ребенок дрожит от холода. Обхватил себя руками за плечи и дрожит. Аж зубы клацают. Утро холодное, а его и без того тонкий комбинезон изодран в клочья.

– *Так!* – говорит Кровник негромко.

Он смотрит на часы и начинает расстегивать пуговицы маскхалата.

– *Давай-давай...* – говорит он мальцу, – *Снимай одежду... Переоденемся сейчас...*

Кровник быстро расшнуровывает ботинки и остается в темно-синих трусах и тельняшке. Достает из мешка одну из спецовок и вдевает левую ногу в штанину.

– *Давай-давай...* – говорит он, натягивая верх. – *Переодевайся...*

Мальчишка, не шевелясь, смотрит на него. Собака тоже.

Кровник застегивается, зашнуровывается, аккуратно складывает маскхалат и кладет его на бронежилет. Достает из мешка брезентовый плащ с капюшоном и набрасывает его на плечи.

– *Ну, ты чего?* – спрашивает он и вытаскивает из мешка второй комплект спецодежды – черные хлопчатобумажные штаны и такую же куртку. Он показывает их парнишке:

– *Сейчас подвернем, и будет нормально...*

Кровник подходит к ребенку и, присев на корточки, становится с ним одного роста.

– *Ну, –* говорит Кровник, – *давай переодемся, а то ты околечеешь сейчас в конец...*

Он расстегивает немногочисленные сохранившиеся на драном комбинезоне пуговицы.

Мальчишка лицо, которого в каких-то сантиметрах от лица Кровника, внимательно рассматривает его нос. Кровник подмигивает. Мальчишка хлопает ресницами.

– *Ну-ка, –* негромко говорит Кровник, помогая ему освободиться от рукавов, – *давай-ка... вооот... молодец...*

Он одним движением сдергивает одежду, и ребенок остается голым.

– *Ох-ты...* – говорит Кровник, – *ептва...*

Он отворачивается.

– *...юмать!* – говорит Кровник севшим голосом. – *Ты...*

Он краснеет.

– *Ты девочка???* – говорит он. – *Ты девочка?..*

– Здравствуйте!

– Здравствуйте... – растрепанная женщина с ведром в руках всматривалась в Кровника, словно пыталась увидеть в его чертах что-то знакомое. Кровник улыбался ей. Улыбался так, что за ушами пощипывало. У него не было возможности посмотретья в зеркало, но он надеялся, что чело его возвещает о человеколюбии, а глаза лучатся искренностью. Женщина смотрела на него, на мешок, на ребенка которого он держал за руку.

– Рано еще... – сказала женщина. – Я ж тока доить иду...

Брови Кровника поползли вверх.

– Ааа! – он помотал головой. – Неее! Я не за молоком.

– Во!.. – тетка поставила ведро на землю и вытерла руки о передник. – А вчера прибежал, говорил нужно...

– Я? – Кровник ткнул себя пальцем в грудь.

– Ну не ты, кто там из ваших я чтоль знаю? – тетка подняла указательный палец в небо, – О! Егор он сказал его зовут! Приходил вечером. Сварщик он чтоль там у вас...

Кровник улыбнулся еще шире:

– Вы меня, наверное, с кем-то путаете.

– А ты не с ремонтерами чтоль? – спросила тетка. – Не с подстанции?

– Нет, – Кровник помотал головой.

Он шевельнул той рукой, в которой держал детскую кисть.

– Вот эта девочка, – сказал Кровник, – вы ее случайно не знаете? Она не из вашего поселка?

Женщина перевела взгляд на ребенка. Склонила голову набок. Покачала отрицательно головой.

– Не... это не наша. – сказала она. – А что?

– Да вы понимаете, – начал Кровник, – я тут...

– На мальчика похожа, – сказала тетка и кивнула, видимо, соглашаясь с самой собой.

Кровник смотрел в центр ее лба.

– Я, – сказал он и положил правую руку на грудь, – ехал на поезде... и, знаете...

– А! – радостно воскликнула женщина. – Так ты Борьки-машиниста помощник новый?!
– Да, – сказал Кровник. – Я новый помощник Борьки...

Он быстро глянул на часы и по сторонам:

– Ехали мы с Борькой и нашли вот... На рельсах стояла... Дети тут не пропадали ни у кого поблизости?

– Погодь! – женщина нахмурилась, – А как ее звать?

– Не говорит, – сообщил Кровник. – Немая кажется... Мы с ней...

– Погодь! – воскликнула тетка. – А тебя-то как звать?

Девочка, не мигая, смотрела на него.

– Меня? Меня Николаем.

– А я Лидия! – женщина вытерла ладонь о живот и протянула ему.

– Очень приятно, – он пожал ее шершавую руку.

– Очень приятно... – согласилась Лидия. – Ну и чего? Не говорит, говоришь?

– Да, – Кровник кивнул и быстро глянул за спину. – Вы меня простите, я очень тороплюсь.

Мне бежать надо... Я вам ее тут оставляю, ладно? Вы не поспрашиваете в округе – может, у кого потерялись дети, а то мне нужно...

– Семен! – крикнула неожиданно тетка. – Семен, иди сюда!

Кровник хотел что-то сказать, но Лидия, набрав побольше воздуха в легкие, заорала во всю мощь своих голосовых связок:

– СЕМЕЕЕН!!!

Из-за зеленых ворот вышел испитой мужичонка в клетчатых брюках и телогрейке. Он осторожно, обеими руками, словно какую-нибудь боеголовку, держал пустую трехлитровую банку.

– Чего? – спросил он.

– Тут Борька Чпых с вон... – тетка кивнула на Кровника, – с Николаем девочку нашли на путях... немая кажись... Не слыхал ты – в Торпедовке или мож в Пуще детвора не терялась?

– Где нашли? – мужичонка глядел своими пустыми глазенками на мешок в руках Кровника.

– Возле ммм... – Кровник махнул рукой, – мммоста...

Семен обернулся и крикнул кому-то находящемуся за забором:

– Сашка! Крышки мытые возьми!

Невидимый Сашка промычал что-то в ответ.

Семен посмотрел в землю. Поднял глаза на Кровника.

– Позавчера вроде кто-то говорил, что с интерната в Сосновке пропали двое... У них там каждый год как в поход или за грибами, так теряются – пошли за грибами и нету. Надо с конторы позвонить, как откроется, спросить... – Семен рассматривал девочку.

Из-за зеленых ворот вышел толстый круглолицый мальчишка в «вареных» джинсах. В одной руке он держал авоську с пустыми трехлитровками, а в другой надкушенный бутерброд с колбасой. Толстяк, до того упоительно жевавший, замер с набитым ртом.

– Здравбжуде! – поздоровался он сквозь масло, хлеб и колбасу.

Кровник непроизвольно сглотнул слюну.

– Здравствуй, – сказал он и, положив руку на плечо девочки, слегка подвинул ее к Лидии.

– Присмотрите за ней, пожалуйста, – сказал он. – Она, бедняжка, заблудилась... Натерпелась...

– Конечно, – кивнула Лидия, – Корову сейчас подоим, и Сема в Сосновку позвонит с конторы...

Она наклонилась к ребенку:

– Пойдем с нами корову доить?

– Спасибо! – сказал Кровник. – Простите! Я очень спешу!

Он быстро присел на одно колено.

– Пока, – сказал он и сразу же встал.

Лидия взяла девочку за руку. Подцепила с земли ведро.

– До свидания! – сказала она. – Не переживай, че терь делать? Покормим, отвезем...

Кровник кивнул и забросил мешок за спину. Девочка во все глаза смотрела на него. Он махнул ей рукой.

– До свидания! – сказал он и быстрым шагом, не оборачиваясь, пошел вдоль забора.

Первые два километра псина бежала за ним, не отставая. Он пару раз швырял в нее ветки, но это не помогло. Потом глянул через плечо – пусто. Нет никого. Он один.

На полпути услышал, как где-то за его спиной – где-то очень далеко – тонко завизжала пилорама. Посмотрел на часы: на лесопилке начался рабочий день.

В левом глубоком кармане брезентового дождевика две запасные обоймы к «стечкину». Сам «стечкин» в правом кармане. Кровник сует туда, в брезентовую тьму свою руку и пистолет послушно тыкается ребристой рукоятью в ладонь. Он бросил только бронежилет: сложил его аккуратно и спрятал в кустах. Все остальное с собой. И еще один небольшой непромокаемый пакет во внутреннем кармане дождевика. Кровнику очень импонирует то, что у него есть этот пакет. Сейчас днем, при солнечном свете он гораздо полезнее чем... чем все остальное, что у него есть. Все остальное – это кейс, маскхалат, кобура, планшет с картой, подсумки со всем своим содержимым, и даже автомат со сложенным прикладом и десятком гнутых оранжевых рожков. В идеале неплохо бы разжиться рюкзаком. Но пока – все это в мешке. Кровник перетряхнул его пару раз, чтобы острые углы не давили в спину и удовлетворенно отметил, что, несмотря на то, что мешок разбух, предметы, находящиеся внутри выпирают совершенно неузнаваемыми силуэтами. Кажется, что он тащит мешок с крупными баклажанами. Или это только ему так кажется?

Пять минут быстрой ходьбы. И снова – бегом марш.

Кровник смотрел в бинокль: аэродром.

Примерно это он и ожидал увидеть. Сколько раз он наблюдал подобное в высокоточную оптику? Не счесть. Меняются только рожи и пейзажи, а аэродромы нет... Вырубил в джунглях просеку, воткнул в пустыне палку с полосатым носком – пожалуйста... приземляйся, взлетай. Аэродромы-близнецы. Перенеси его сейчас в Лаос или Колумбию или еще куда, никто и не заметит подмены: сарай в красно-белую полосу с большой антенной на крыше, короткая взлетно-посадочная полоса больше похожая на пустое футбольное поле за деревней. Пустое... А вон и деревня...

Кровник увидел давно не крашенные, крытые почерневшим от времени шифером разборные «бамовские» дома. Ему доводилось бывать в таких. Жуть полная. Рассчитаны максимум на пять лет эксплуатации. Живут в них лет по двадцать. Полы вздыбились, потолок с каждым днем все кривей, в щели задувает ветер. Есть еще один сюрприз – ядовитый фенол в стенах. Его доблестные строители без всякой задней мысли использовали для утепления. У них тут и детсад, скорее всего, в таком же домике. Детишки, наверное, аж зеленые...

Кровник услышал бодрую музыку в отдалении. Нащупал многократными линзами какое-то шевеление. Он внимательно рассмотрел два сдвинутых автомобильных прицепа, на которых несколько мужиков мастырили что-то вроде сцены с трибуной. Музыка прервалась так же внезапно, как началась, и Кровник увидел какое-то тело в зеленом пальто. Тело что-то радостно вещало в микрофон, но сюда долетало только неразборчивое бубнение. Потом зеленый исчез, и снова заиграла ритмичная музыка. Марш? Диско? Не разберешь...

Митинг что ли? Он увидел, как мужики поднимают веревками и укрепляют за трибуной часть декораций. Какая-то женщина стала подавать на сцену большие латинские буквы из светло-зеленого пенопласта, и кто-то тут же начал вешать их на задник.

Кровник дернул щекой и вдруг ухмыльнулся: прямо позади трибуны он увидел большое светло-зеленое слово «HER». Кровник покачал головой. Он спрятал бинокль и закинул мешок на плечо.

Он шел вдоль длинного серого забора, в сторону оглушительной музыки, и она надвигалась на него откуда-то из-за домов, становилась все более различимой. Запахло ментолом. Он свернул за угол и увидел вкопанный в землю железный стол. Крупные молодые девахи – с пунцовыми губами, с начесанными, стоящими колом от лака челками – сидели прямо на столешнице и курили одну сигарету на троих, осторожно передавая, ее друг другу. Кровник заметил початую бутылку ликера со следами помады на горлышке. Девахи молча проводили его взглядами.

На маленькой площади этого ободранного городка в две улицы – столпотворение в столь ранний час. Кровник увидел яркий автобус, из которого выгружали большие лакированные цилиндры барабанной установки. Рядом, руки в брюки, подпирая забор, стояло несколько подростков. Местная шпана. Высматривают, чего бы стырить.

Вывеска «НАВАРКАШИН».

Три старика с удочками и раскладными стульчиками.

Ларек «Ремонт обуви».

Несколько бабушек с ведрами у автобусной остановки – местный рынок. Тротуаров почти нет, а те, что есть – деревянные. Молодой водитель «газона», разгружающий хлеб у магазина, открыв рот, посматривает в сторону передвижной сцены, которую уже почти закончили монтировать.

Кровник увидел, что латинских букв стало больше. Украшенный разноцветными надувными шарами, над площадью и людьми возвышался «HERBALIFE». Приветливые, отутюженные, явно не местные люди (каждый с большим круглым значком на груди) ходили по городку и вступали в разговоры с местными жителями. Кровник увидел одноэтажный домик с синим почтовым ящиком у крыльца, и направился к нему. Какой-то местный шалопай пронесся прямо перед его носом на оранжевом тархтящем мотоцикле с задранной к небу выхлопной трубой.

Кровник поднялся по продавленным ступеням и подергал дверь почты – заперто. Хотел заглянуть в окно и заметил бумажку, приклеенную лейкопластырем к стеклу изнутри.

«Перерыв 15 мин» – было выведено на обороте телеграфного бланка. Кровник рассмотрел внутри высокую конторку, стол с чернильницей, одинокую кабинку «межгорода». С усилием стащил мешок с плеча и почти уронил его на дощатый пол. Мешок звякнул. Проходящий мимо мужик в болоньевой куртке глянул на него. Обернулся и глянул еще раз. Кровник почесал висок, повернулся спиной к дырявому тротуару и стал разглядывать отражение улицы в пыльном стекле. Увидел, как оранжевый мотоцикл пронесся обратно. Ни модель, ни марку этого транспортного средства не разберешь. Самопальная двухцилиндровая «пулялка» собранная из ворованных запчастей.

Кровник вострепнулся. Сквозь музыку он услышал звук еще одного мотора. Он посмотрел в небо, увидел заходящий на посадку самолет, схватил мешок и быстро пошел в сторону аэродрома. Краем глаза отметил две человеческие фигуры, направляющиеся в его сторону. Растянутые до ушей рты, белозубые улыбки и здоровенные круглые значки – они явно старались перехватить его до того, как он нырнет в переулок. Кровник прибавил шагу.

Вблизи аэродром выглядел не лучше. Взлетно-посадочная – просто выкатанная в траве множеством шасси длинная дорожка. Во что она превращается после дождя, представить несложно.

Кровник увидел замерший на небольшом пятачке темно-зеленый самолет и направился прямо к нему. Двухмоторная машина с большой стеклянной кабиной своим экстерьером смахивала на старый военный транспортник, но что-то в облике ее словно было лишним. Или наоборот не хватало? Излом крыльев чересчур глубок что ли... И винты словно не отсюда... Самолет вызывал те же ощущения что и оранжевый мотоцикл с разными колесами, который он наблюдал несколькими минутами ранее.

На хвосте Кровник заметил знак авиапредприятия, к которому приписан борт. Только подойдя ближе, понял что ошибся. Вряд ли какой авиаотряд избрал бы в качестве своего герба три игральные карты, выложенные веером. Слева Крестовая Дама, справа Бубновый Король... Мать третьей – центральной – карты Кровник не смог бы определить, даже если бы очень захотел: кто-то нарисовал ее «рубашкой» вверх, словно она лежала лицевой стороной на сукне и ждала, когда ее перевернут. Больше опознавательных знаков на борту не наблюдалось. Ни цифр, ни букв.

Кровник подошел к самолету вплотную. Обошел его со стороны хвоста. Да, точно – задница как у транспортника. Большой загрузочный люк, похожий на рот кита. Открывается и превращается в трап. У большинства десантных самолетов та же конструкция. Братва в голубых беретах сыпется из таких аж со свистом вместе со своими БТР-ами...

Кровник заглянул в фонарь кабины: пусто. Никого в креслах и за ними. Он постучал ладонью по темно-зеленой обшивке и прислушался.

– Эй, командир! – крикнул он и постучал сильнее. – Есть кто?

Тишина. Кровник подергал одну из дверей, ведущих в салон.

Заперто.

Здание аэровокзала, крашенное снаружи в красно-белую широкую полосу, внутри было очень похоже на сельскую автостанцию. Кровник увидел наглухо заколоченное окошко билетной кассы. На стенде с надписью «расписание» – позапрошлогодний календарь с Пугачевой.

Человек в летной форме без знаков различия сидел в глубоком кресле и дул на кружку с горячим чаем. В углу изредка щелкала включенная на свою частоту рация.

– Здравствуйте.

– Здравсьте... – человек без интереса смотрел на Кровника.

– Скажите, куда летит самолет?

– Какой?

Кровник ткнул большим пальцем за спину:

– Тот.

Мужик пожал плечами:

– А я знаю?..

Он сосредоточенно рассматривал свою кружку. Кровнику хотелось вмять эту кружку вместе с носом ему в затылок.

– А кто знает? – спросил он.

Мужик пожал плечами:

– Летчик, наверное...

– А с летчиком я могу поговорить?

– Поговорить?.. – мужик подумал. – Можешь.

– Он здесь?

– Кто?

Кровник вздохнул:

– Летчик.

– Летчик? – мужик покачал головой. – Неее! Здесь его нету. Летчики все на олимпиаде...

Он нарисовал пальцем в воздухе какие-то завитки.

– Пять колец, – сказал он. – Тут рядом, за углом... Издаля видать.

Видно действительно издалека. Кто-то додумался водрузить на крышу пять здоровенных олимпийских колец. Кровник понял, что они просто нарезаны автогеном из труб метрового диаметра и плотно обмотаны мигающими новогодними гирляндами. Дико и нелепо – как раз подходящее определение. В остальном – бывшая столовка, крашенная снаружи в желтый цвет.

У входа – древнющий поцарапанный «опель-кадет», два велосипеда и голубой мотороллер.

Он уже собирался войти, но вдруг передумал и, сунув руку в правый карман дождевика, стал с интересом рассматривать кусок забора, оклеенный афишами и объявлениями. Из-за угла выехал заляпанный грязью по самую крышу японский внедорожник с темными стеклами, медленно проехал у него за спиной и свернул на соседнюю улицу. Кровник быстро осмотрелся: две женщины с детской коляской, пожилая пара, школьники с портфелями. Больше никого. Радостная музыка ухает где-то за домами. Он еще пару раз зыркнул по сторонам, быстро пересек улицу и толкнул дверь рядом с вывеской «Видео-бар кафе «Олимпиада».

Сутулый жирдяй с плохими зубами, стоящий за стойкой, очевидно, был барменом.

– Эй! Стас! – говорил он куда-то вглубь помещения. – Слышь?! Хватит! Дайте телик позирить!

У большого телевизора два человекообразных существа призывного возраста, одетые в спортивные костюмы, пытались запихнуть оранжевый картридж в щель игровой приставки. Они тыкали во все подряд кнопки на джойстиках и пялились в экран, тупо рассматривая четыре мигающие буквы «SEGA».

На высоких стульях у стойки одна опухшая и невыспавшаяся официантка, красила ногти другой опухшей и невыспавшейся официантке. Два кавказца, не снимая своих здоровенных кепок, молча играли в нарды. За столиком в углу смуглая брюнетка в кожаной куртке пила кофе и черкала карандашом в большом кроссворде. Некто в полосатом свитере, сидя спиной ко всему залу, хлебал, побряхтывая, из тарелки что-то горячее и жидкое. Кровник заметил вскрытую коробку с новым видеомagneтофоном.

– Здравствуйте! – громко сказал он.

– Здорово, – кивнул бармен и снова повернулся к человекообразным у телика:

– Геша, твою мать! Вырубай свое гребанное «супермарио»! Кинескоп посадишь!

– Чей самолет на взлетке? – спросил Кровник. – С картами на хвосте?

Официантки повернулись и посмотрели на него.

– А че такое? – из-за спины бармена возник человек в малиновом пиджаке с золотыми пуговицами. В одной руке он держал запечатанный в полиэтилен пульт дистанционного управления, в другой зажженную сигарету.

– Твой? – Кровник подошел ближе. Человек в малиновом пиджаке внимательно осмотрел его с головы до ног. Покачал головой:

– Неа...

– А чей? – спросил Кровник.

– Ну, мой, – брюнетка отложила кроссворд в сторону. – А ты че за хрен с горы?

Кровник двинулся в ее сторону.

– То-то мне Дед Мороз сегодня снился, – она смотрела на его мешок, – бегал за мной с подарками по лесу.

Официантки захихикали.

Кровник остановился, кивнул на стул рядом с ней:

– Можно?

– Нет, – она смотрела в его глаза.

Длинные черные волосы, стянутые в тугую хвост. Узкие скулы. Тонкие нервные губы. Тертая на сгибах темно-коричневая кожанка. Татуировка выглядывает из ворота черной футболки и уползает по шее куда-то за ухо. Глаза темные.

– Я ищу пилота, – сказал Кровник.

– А нашел пилотку, – она щелчком выбила сигарету из пачки.

Бармен и малиновый пиджак громко заржали. Брюнетка холодно глянула в их сторону.

– Возьмешь одного? – спросил Кровник.

– Пассажиров не беру, – она прикурила от одноразовой зажигалки.

– Я заплачу.

Она отрицательно покачала головой.

– Я нормально заплачу.

– Дядя, ты глухой? Сегодня пассажиров не беру. Завтра приходи.

Кровник тяжело смотрел на нее сверху вниз. Она спокойно смотрела на него снизу вверх.

– Геша, Стас! – бармен вышел из-за стойки и, подойдя к орангутангам, забрал у них джойстики. – Все!

Он выдернул приставку из розетки и сунул антенну в гнездо на задней панели телевизора.

Писк. Щелчок.

Экран осветился мутным пятном. Потом проявилось изображение улицы. Люди бежали по этой улице, и другие люди били этих людей резиновыми палками. Словно догоняя изображение, откуда-то из глубин телевизора постепенно появлялся звук.

– Несколько часов назад на Смоленской площади, расположенной в полутора километрах от Дома Советов, – сказал строгий женский голос за кадром, – произошли столкновения демонстрантов – сторонников Верховного совета с милицией. Есть раненые среди манифестантов и сотрудников милиции. МВД обвиняет во всем организатора демонстрации радикального коммуниста Виктора Анпилова, призвавшего граждан к открытому сопротивлению правоохранительным органам. Анпилов же утверждает, что он и его товарищи по партии «Трудовая Россия» во время мирного митинга подверглись нападению пьяных свердловских ОМОНовцев, которые без предупреждения начали избивать всех, кто попадался под руку, в том числе и случайных прохожих...

– Ха-ха!!! – сказал то ли Геша, то Стас. – Это в Москве что ли?

– Ну так им всем и надо! – закивал то ли Стас, то ли Геша. – По почкам настучать этим гондо...

Кровник, идущий к выходу, опрокинул стул. Все присутствующие смотрели ему в спину. Он поправил мешок на плече и пинком распахнул дверь.

– Козел... – сказала одна из официанток.

Кровник быстро шел по улице. Шел, чувствуя, как организм переключается на новый режим. Как уходит вата из мышц. Как зрение становится острее. Как наливаются его кулаки. Он шел в сторону почты. Если и сейчас будет закрыта – придется выбить дверь. Вырвать решетки на окнах. Проломить кому-нибудь голову. Больше лазить по столбам он не собирается.

Из-за угла вывалились малолетки с орущим двухкассетником. Тупые наглые рожи. Он шел прямо на них. Расступились, пропуская. Мазнули по нему мутными взглядами, сомкнулись где-то за спиной и потопали дальше.

Глаза. Эти их глаза. Эти оловянные плоски. Пустые гляделки без капли мысли. Без полкапли. Потухшие взгляды... Блестят только от водки и жадности. Зеркало души? Какое зеркало? Какой души? Просто роговица, просто белок и зрачок. Откуда эта агрессивная апатия?

Лежат по всей стране перед своими телевизорами, неожиданно в одночасье обессилевшие, словно высосанные до самого дна... Верят этим улыбающимся людям в мерцающих экранах. Мечтают попасть на «Поле Чудес» будто им память отшибло, будто это они – пустоголовые деревянные мальчишки. Сами несут свои деньги на три большие буквы... «МММ»... Восторженные буратины... Словно все разом поглупели. Словно впали все в старческое слабоумие... Когда началось?.. Когда? А ведь началось же... У этого всего было начало. Что-то случилось однажды. Не два года назад, не в девяносто первом... не в восемьдесят девятом, когда ломали стену в Берлине... Раньше. Он же всегда чувствовал это подсознательно. Чувствовал – что-то сдвинулось. Когда? И где? В нем самом? Вокруг?

До Афгана он вообще не обращал внимания на глаза.

Он понимал, конечно, что есть глаза красивые и некрасивые, что они каких-то разных там цветов, разрезов и так далее. Но разве у него было время всматриваться в эти самые глаза? Зачем? Что там он мог высматривать? Что там вообще высматривать? У человека не принято смотреть в глаза своим соплеменникам. Это несвойственно животным его вида в естественной среде обитания. В троллейбусе? На эскалаторе? В очереди? Где и когда им смотреть друг другу в глаза, если они даже любовью занимаются при выключенном свете...

Глаза.

Афган тогда еще не был нашпигован взрывчаткой, не был заминирован под завязку, как это случилось позже... его бесплодная земля, еще не пищала под миноискателями, в ней не нарыли еще лунок, не насадили тысячи противопехотных клубней.

Этот чумазый, загорелый дочерна афганский мальчишка-пастух. Дранные портки, сопли пузырями. Бежал по обочине за БТР-ом. Они тогда, психанув, чуть не перестреляли всех этих душманских детенышей, этих маленьких моджахедов, решив, что те швырнули гранату... Батя Черный отвел, уберег в тот раз от греха.

Ему оторвало ногу почти до самого колена. Этому пастушонку.

Кровник поддерживал его голову, пока Витяба пережимал жгутом культяпку, пытаясь остановить кровь...

Эти глаза. С бездонными расширившимися зрачками, смотрящие сквозь Кровника, сквозь боль и шок, сквозь этот раскаленный полдень и струящийся зной...

Глаза афганцев. Непохожие на все глаза, которые он видел до того. Прожигающие. Черные дыры на бесстрастных лицах. Несгибаемый народ. Избранный? Или просто семя людское, случайно упавшее именно в этом месте?

Кровник верил в случай. Ибо только так можно было объяснить происходящее время от времени. Само возникновение жизни на Земле объявили случайным совпадением нескольких факторов, что уж тут говорить о...

Он верил, что *нелюди* – просто случайность. Что они – случайное совпадение. Какой-то древний вирус, ждавший своего часа миллионы лет. Или привнесенный извне? Он или Оно прокралось с *Той* сторону на *Эту*. Пронесло с собой... что? Какой ценой? Никто до конца не знает...

Эти твари обладают странными знаниями, полученными на генетическом уровне. Они чувствуют. Они все чувствуют. Они чуют кровь за несколько километров. Они чувствуют энергетически важные центры этой планеты.

А он ведь чуял их в Афгане... чуял их где-то рядом... Запах сырой земли и дохлых насекомых... Их тянуло туда, в этот пустынный бесплодный край. Там было такое *Место*... Туда они рвались. Прятались в этих бесконечных горах...

Афганцы. Несгибаемый народ. Духи, живущие в них, никогда не заботились об их телах. О физических оболочках, живущих первобытным хозяйством в сложенных из дикого камня домах. Как их деды и прадеды, выгоняют каждое утро своих коз. Как их деды и прадеды, молятся в сторону другого мощного энергетического сгустка – в сторону камня, упавшего

когда-то с небес. Они живут там, над этим *Местом*, чувствуя подошвами тлеющее тепло земного ядра, вбирая в себя мегатонны землетрясений. Всем вокруг кажется, что эти грязные оборванцы бедны. Что они живут впроголодь. Что у них ничего за душой. На самом деле – они имеют больше всех. Имели. Сейчас там – **Черная Дыра**. И он, Константин Кровник – один из тех, кто помог **ЕЙ** состояться.

Кровник шел прямо на грохочущую за домами музыку.

Он обошел заколоченное здание библиотеки и во второй раз за сегодня оказался на площади этого серого городка. Он выбрал совсем с другой – дальней от почты стороны.

Он увидел HERBALIFE, написанный задом наперед, и некрашеную изнанку декораций. Люди с большими белыми значками сновали за сценой, улыбаясь друг другу. Помятые местные мужички разгружали микроавтобус.

Он сделал еще несколько шагов и увидел собравшихся поглазеть на потеху. Шелуха от семечек во все стороны. Перегар и сигареты без фильтра. Крутят головами, вытягивают шеи. Все всегда начинается с них. С нескольких десятков собравшихся в одном месте особой обоих полов. Опытный инструктор по саботажу, плюс три-четыре верных человека – и это сборище превратится в бушующую толпу, сметающую все на своем пути.

– *Наша компания сочетает в себе три доселе несовместимые в этой стране понятия!* – энергично вещал стоящий на возвышении человек в зеленом пальто и загибал пальцы. – *Это здоровье! Это молодость! Это богатство!*

Кровник шел, огибая площадь и поглядывая на жителей городка, сбившихся в стадо перед сценой. Он удовлетворенно насчитал около десятка брезентовых дождевиков с капюшонами.

– *Дайте мне двадцать минут!* – человек в зеленом пальто воздел руки к небу. – *Двадцать минут, которые полностью изменят вашу жизнь!*

Водка и запах крови.

Чтобы закричать во все горло. Затаптать. Разорвать.

Чем всколыхнуть это болото? Что еще может разжечь огонь в этих пустых глазах? Что еще заставит чаще биться эти сердца? Сделать так, чтобы какая-то далекая революция из телевизора начала бушевать здесь. Вышла из берегов и затопила улицы.

Он уже видел это. Будто специально выстроенное по одному и тому же сценарию. По одной и той же формуле. По одной и той же модели, которая проваливалась до этого десятки раз.

Эти люди, высыпающие на улицы своих городов, свято верящие в то, что им самим захотелось бить витрины, переворачивать и поджигать машины, швырять камни в людей с погонами – куда уж без них. Остаться в стороне? Они не могут, эти люди в форме. А кто оживит мероприятие? Кто вдохнет жизнь в массовку, воздвигнет из щитов и танков необходимые декорации?

Достучатся своими дубинками до любой аудитории.

Раскачают любую толпу.

Кровь и спирт.

Шум в голове.

Хочешь умереть – спроси меня как.

Два года назад в январе 1991-го, в Вильнюсе он штурмовал здание телецентра. Кто-то из толпы заехал ему в голову арматурой. Метнул из темноты прямо в висок. Если бы не каска – хана. Пробили бы его дурную башку...

Скажи ему кто-нибудь неделей раньше, предупреди его, что ему офицеру, советского спецназа, придется штурмовать советский телецентр – как бы он себя повел? Что бы сделал?

Он ударил несколько раз, прикладом ломая челюсти, разбивая телеобъективы, проламывая себе дорогу внутрь.

Вильнюс кипел, дребезжа крышкой.

Они мчались по его ночным улицам из конца в конец, переворачивая вверх дном чердаки и прочесывая подвалы. В городе безобразничали проникшие со стороны Польши американские спец. Подразделение Кровника наткнулось на одного из них прямо в центре, в подвале пятиэтажки. Это был неприметный мужик, похожий на любого прохожего ростом, телосложением и прической. Он смешивал химикаты в большой выварке и, выстроив батарею из бутылок, разливал в них «коктейль Молотова». Четверо активистов движения «Саюдис» уже собирались тащить пару ящиков наверх прямо в беснующуюся толпу. Увидев ввалившихся в подвал людей в форме, он разбил лампу под потолком и ломанулся куда-то вглубь помещения. Кровник помнил этот короткий рукопашный бой в полной темноте. Тот был хорош, очень хорош – бился до последнего. Кровник распорол ему ножом предплечье и откусил кусок уха. Позже узнал, что персонажа вывозили по каналам посольства США. Оказался «зеленым беретом»...

Кровник остановился у крыльца с синим почтовым ящиком и глянул за спину: дай им только шанс, отпусти руль и вбей им в голову, что это нормально. Дай им хаос, безвластие, отсутствие руководства и неразбериху.

Он тряхнул головой, взбежал по продавленным ступеням и толкнул дверь.

Почта.

Пахнет сургучом, чернилами, бечевкой для бандеролей и самими бандеролями. Пахнет конвертами, марками, телеграммами и котом. Вон и сам кот – сидит на подоконнике рядом с большим алоэ в горшке и делает вид, что спит. Блестят влажно недавно вымытые полы.

Длинная исцарапанная конторка, словно деревянный барьер, делит это помещение на две половины – посетительскую и почтальонскую. Там, за этим барьером, на почтальонской стороне – женщина. Сначала он замечает пучок седых волос на ее затылке. Она поднимает голову на звук его шагов, и Кровник видит очки в роговой оправе. Пуховый платок накинута на плечи. Толстые диоптрии делают ее серые глаза похожими на блюдца. Что-то в ее лице – совершенно ординарном лице женщины средних лет – кажется необычным. Что? Кровник не может понять и не хочет. Ему не до этого.

– Добрый день, – неожиданно первой приветствует она его и улыбается.

Вот что. У нее не накрашены губы. Кровник не помнит, когда в последний раз видел женщину с ненакрашенными губами.

– Добрый день, – говорит он, звякнув мешком. – Мне бы в Москву позвонить...

Женщина поправляет очки и выпрямляется на стуле.

– Куда, – спрашивает она, – в Москву?

– Да... – Кровнику не нравится выражение ее лица. – В Москву. А что?

– Молодой человек, – она смотрит на него внимательно. – А вы в курсе, что с того месяца тарифы на межгород поднялись в три раза?

Она показывает ему указательный, средний и безымянный пальцы своей правой руки:

– В три!!!

Кровник видит ее стриженные некрашенные ногти.

– Так, – говорит он. – Вы меня не пугайте... я уж думал...

– Секундочку!..

Кровник услышал скрип открываемой двери, обернулся и увидел подростка в белом мотоциклетном шлеме. Парниша мельком глянул на Кровника и с независимым видом прошествовал к конторке.

– Чего тебе? – строго спросила женщина.

– Ма, – сказал подросток, – дай денег на бензик...
– Ну, да! – женщина поправила очки. – Сейчас! Разбежалась!
– Ну, ма!.. – возмутился пацан.
– Что «ма»?! – она с грохотом отодвинула стул и встала. – Что «ма»? Ты вчера у отца выклянчил на полный бак! Где он? Прокатал со своими... как их там... Ладно б сам! Весь поселок на твоём драндулете гасает!

Кровник посмотрел на часы.

– Ну, ма!.. – проныл пацан.
– Ну что – «ма»?! – она полезла куда-то в тумбочку, достала большую хозяйственную сумку и водрузила ее на стол.

– «Ма»... – женщина копалась в сумке, – пусть тебе твои эти... как их там... бензин покупают...

Она извлекла из кожаных недр потертый кошелек. Лицо парниши прояснилось.

– Миша, – спросила она, – ты обедал?

– Да! – сверкнули из мотоциклетного шлема глаза. Кровник понял, что Миша вряд ли даже завтракал.

– Все! – строго сказала женщина. – Все! Это последний раз! Больше ни к отцу, ни ко мне не подходи до зарплаты, ты понял?

Пацан кивнул, глядя на кошелек.

– Сколько там? – ворчливо спросила женщина.

– Семь.

– Семь... – пробурчала женщина, – Не семь, а пять...

Она расстегнула кошелек. Стала отсчитывать вслух:

– Два, три, четыре...

Брови Кровника ползли вверх. Он смотрел на пять предметов, которые женщина один за другим выкладывала на стойку.

Пять нарезанных из желтоватой бумаги прямоугольников с круглой печатью и чьей-то размашистой подписью.

– Пасиба, ма! – пацан сгреб их и побежал к выходу.

– Спасибо... Денег на тебя не напасешься! – крикнула она сыну вслед.

– Ммм... – сказал Кровник, – простите...

– Да?.. – женщина обернулась.

– Простите, – повторил он и показал пальцем на кошелек, который она все еще держала в руках, – это деньги?

– Да... – женщина смотрела на Кровника.

– Это же винные этикетки? Разве нет?.. – настороженно спросил он.

– Да, – кивнула она. – С печатью нашего поселкового совета... а что? У нас хоть так... а вон в Пуще там вообще под запись в магазине уже год, все равно что в войну, мы еще...

Кровник глянул на часы и полез во внутренний карман куртки.

– Так! – сказал он и достал небольшой, туго набитый пакет. Надорвал зубами непромокаемую упаковку и вытащил зеленоватую купюру с цифрой «100».

– Вот, – он положил купюру на стойку перед женщиной. – Знаете что это?

Женщина, открыв рот, посмотрела на банкноту, на него, на банкноту и снова на него.

– Это сто долларов, – сказала она.

– Ваши, – он двумя пальцами подвинул деньги к ней. – А я прямо сейчас говорю с Москвой. Да?

– Вы что? – женщина медленно опустилась на стул. Она выглядела испуганной. – Вы что? Это же много! Это поменять даже негде сейчас! В город надо ехать... И где я вам сдачу возьму? Вы с ума сошли?!

– Это много, да, но! – Кровник смотрел прямо в ее глаза, превратившиеся из блюдца в тарелки. – Но мне нужно срочно поговорить с Москвой. Прямо сейчас. Вы мне связь – я вам эту денежку. Никакой сдачи. Она вся ваша. Поменяете потом на свои фантики и положите в кассу сколько нужно...

Он придвинул бумажку еще ближе:

– Бизнес, понимаете? – доверительно сказал Кровник. – Деловая сделка. Не позвоню сейчас – потеряю в тыщу раз больше, понимаете?

Женщина кивнула.

Обрывки голосов. Статические грозы. Звуки телефонного космоса.

– Да... – недовольный мужской голос в трубке. – Слушаю.

Как далеко. Кажется, что этот невыспавшийся мужчина сейчас где-то на Луне.

Кровник зажал обе ноздри.

– Добрый день, Сергей Алексеевич, – сказал он в трубку, – это вас со склада беспокоят. Вчера путаница вышла. Груз ваш не туда отгрузили. Но сегодня все нашли. Все согласно накладной.

Пауза.

– Ты с ума сошел, – сказал Паршков. – Номер слушают с утра до вечера.

– Понятно.

Он чувствовал, что спокойствие дается Паршкову с трудом.

Треск и шорох на линии.

– Груз у тебя?

– У меня.

– Фухххх!.. – Кровник услышал, как Паршков облегченно перевел дух. – Все в порядке?

Иванов дал инструкции?

– Иванов не успел, он мертв. Вся группа мертва. Груз у меня. Пара царапин, в остальном все в порядке.

– Ранения? – встревоженно спросил Паршков. – Что-то серьезное?

– Нет никаких ранений... – Кровник смотрел сквозь стекло на вошедшего с улицы почтальона с сумкой, – пара ушибов. В остальном чувствую себя прекрасно. Как в санатории...

– При чем тут ты... – сказал Паршков. – Как груз?

– Что там ему будет, этому чемодану, он бронированный...

Завывание электрического ветра в эфире. Потрескивающее дыхание.

– Какому чемодану? – упавшим голосом спросил Паршков.

У Кровника похолодело внутри.

– Какой еще чемодан? – спросил Паршков. – Где груз? Где ребенок??? Что с ней???

– Не ори, – сказал Кровник, – Она рядом.

– Ты псих??? Тебя пасут! Пойдут за тобой по следу, как стемнеет. Если раньше тебя не спадают! Кто-то им сливает нас по полной! Не знаю пока кто...

– Что делать?

– Сваливай оттуда. Любым способом. Прямо сейчас!

– На базу? В Москву? Куда?

– Уходи, говорю!!! Все! Никакой базы больше нет! Мы там почти ничего не контролируем! В Москву! Ты меня слышишь??? Груз ждут в Москве! Тут... Тут...

– Война?

– Да.

Трубку на рычаг. Десять быстрых шагов – и он на улице.

Прямо через дорогу у вкопанных в землю автомобильных шин стоит на подножке оранжевая пулялка.

– Миша!

Парниша, снявший свой белый шлем, оборачивается и смотрит на Кровника:

– А?..

У мотоцикла хозяин и еще пара обалдуев покрупнее. Один в вязаном «петухе» с «abibas» на борту, другой мордатый с чубом. Смотрят на Кровника в упор.

– Можно? – не дождавшись разрешения, Кровник садится верхом и берется за руль, – Класный мотык!

– Эээ! – говорит мордатый неожиданным сиплым басом, – Щас моя очередь!

– Да? – Кровник поворачивает ключ в замке зажигания, снимает мотоцикл с подножки и резко дергает ножку стартера. Движок заводится с первого раза.

– Да! – громко говорит тот, что в «петухе». – Щас его очередь!

Миша озадаченно наблюдает за тем, как Кровник, нагибается, поднимает с земли мешок и кладет его себе на колени.

– Эээ! – мордатый крепко хватает Кровника за предплечье. – Слы! Стопэ!!!

Кровник не меняя позы, вполсилы бьет его в грудь. Мордатый отлетает как кегля и шлепается где-то за вкопанными шинами. Кровник смотрит на второго. Тот делает шаг назад.

Кровник выжимает сцепление, тыкает первую скорость и трогается. Он выкручивает ручку газа, и мотоцикл послушно рвет с места.

– Эээй! – в ужасе кричит ему в спину Миша, – Эээй!!!

Несколько секунд и он уже на другой улице.

Минута – и он за пределами городка. Проносится вдоль длинного забора и влетает в лес.

Он мчится в обратном направлении, почти в точности повторяя свой путь. Его напряженная фигура, слившаяся с мотоциклом, мелькает среди деревьев. Стволы несутся навстречу, пролетая справа и слева. Краем зрения он видит, как весь лес несется на него, мимо него, исчезает где-то за спиной...

Машина неожиданно мощная: злобно рычит движком, хорошо слушается руля.

Мешок намертво примотан ремнями к багажнику.

За рулем прохладно. Не прохладно – холодно. Встречный ветер рвет угол рта.

Леденеют пальцы, тыльные стороны ладоней, нос. Его знобит? Или это вибрация двигателя?

Глаза режет. Будто размял руками стручок острого перца, а потом потрогал глазные яблоки.

И жутко чешутся пятки. Он не знает почему. Чешутся и все тут. Он поджимает пальцы на ногах, но это мало помогает.

– Вжих! – переключил скорость.

– Фрх! – ветка по макушке.

– Шлеп! – следующая по лбу.

Он тормозит у зеленых ворот и выдергивает ключ из замка зажигания. Движок глохнет. Остывает, потрескивая. Он слышит работающую невдалеке лесопилку. Визг дисковых пил вгрызающихся в сосновую плоть. Гудение мощных электродвигателей. Но это там. Это невдалеке. А здесь?

Кровнику не нравится эта тишина. Потому что это не тишина. Он слышит где-то на самом краешке этой как бы тишины человеческий голос. Кто-то кричит.

Он толкает рукой ворота, и они бесшумно отворяются.

Кровник видит большой деревянный дом с бетонным крыльцом. Несколько сараев. Тот, кто кричит – в одном из этих сараев. Это женщина. И она не одна. Кровник на ходу достает из кармана пистолет. Пахнет навозом и сеном. Пахнет животными.

Он пинком выбивает дверь.

Первое что он видит – это корова. Большая пятнистая буренка, лежащая на деревянном полу. Он видит пену на ее морде. Видит, как ее большое тело выгибает судорогой. Опрокинутое ведро с растекшейся по полу розовой жидкостью.

Он видит Лидию с вилами в руках. Видит Семена с точно такими же вилами. Они грозят ими в шевелящийся темный угол.

Корова дергается, и ведро, дребезжа, катится по полу.

Кровник моргает. Он различает стоящего в углу заревавшего толстяка.

Все смотрят на Кровника. Только что визжали нечто нечленораздельное, потрясая своим оружием. Сейчас молчат.

– Приперся??? – зловеще говорит Лидия. Кровник видит острия вил. Теперь они направлены в его сторону.

– Ааа! – обернувшийся Семен выглядит радостным – Сам пришел!

Вот теперь все вилы в этом сарае направлены на него.

Они вдвоем делают шаг в его сторону. Кровник рассматривает их искаженные физиономии.

– Притащил он ее нам... свою прошмондовку! – женщина смотрит на него с омерзением. Она приподнимает вилы повыше и делает еще один шаг в его сторону.

– Потеряаалась! – кривляясь, кричит она. – Натерпееелась!

Семен начинает обходить Кровника справа.

Смотрит на него как на таракана.

– Отравили нашу Зорьку и рады?! – шипит женщина, – Только отвернулись!.. Прошмандовка твоя тут же яд Зорьке в рот! Аж кровь из вымени вместо молока!

– Что ты мелешь, дура? – спокойно говорит Кровник, – Кому нужна твоя корова?

– Расскажи еще нам, что ты Борьки помощник, а эта транда с Сосновского интерната! – Семен не глядя, задвигает засов на двери и прикрывает свой единственный путь к отступлению своим же тщедушным телом.

Кровник смотрит на них, как танк на сумасшедших. Он поднимает пистолет и

– БАХ!!! – стреляет в стену.

Вот сейчас они нравятся Кровнику гораздо больше, с этими отвисшими челюстями и полными штанами.

– Где девочка? – спрашивает он.

Толстяк тихонько всхлипывает. Кровник смотрит на него. Он видит какие-то странные штуки в его прическе, похожие на... большие бигуди?.. две заколки цвета слоновьей кости? Тут же понимает – две маленькие руки, вцепившиеся в его кудри. Два кулака зажавшие волосы толстяка между пальцев.

Она там – в углу.

Вжалась в него всем телом.

Втащила толстяка за собой, прикрываясь.

Кровник направляет ствол на Семена.

– Ты, ушлепок! – говорит он ему, – Брось эту херню и к стене!

– БЫСТРО!!! – орет он. Семен, вздрогнув, роняет вилы под ноги.

– А ты че ждешь?! – Кровник смотрит на Лидию. Та, прожигая его взглядом, швыряет вилы на кучу сена.

Кровник делает два быстрых шага к толстяку. Тот с ужасом смотрит на него. За его плечом, в углу – два блестящих глаза.

– Пошел отсюда! – говорит Кровник.

– Я не могу! – пищит толстяк. – Она держит!

– Отпусти его, – Кровник легонько шлепает пальцами по маленьким кулачкам в рыжих волосах. – Слышишь? Отпусти...

– Аййй! Бооольнооо!.. – слезы из глаз мальчишки брызнули, будто у клоуна в цирке: двумя фонтанчиками.

– Прошмондовка... – шипит женщина, – Сучка...

– Отпусти, – говорит Кровник, – Ну?

Толстяк со стоном падает на колени. Он держится за свою голову.

Кровник протягивает свою ладонь:

– Пошли!

Она смотрит на него. Она берет его за руку.

Кровник видит краем глаза движение.

– Слышь ты, дура тупая! – говорит он и приставляет пистолет к голове толстяка. – Стой на месте, а то башку щас твоему тупому сыну отстрелю! Думаешь, я никогда этого не делал, да?!

Лидия замирает. Она стоит, показывая пустые ладони Кровнику. На ее лице впервые виден настоящий испуг. В тоскливых гляделках Семена муть. У него нет большого пальца левой руки.

Кровник отодвигает засов и быстро оглядывает двор.

Он запирает их снаружи на навесной замок и оставляет ключ в замочной скважине.

– Пошли! – говорит он и, схватив девочку за руку, бежит с ней к воротам.

Они стартуют как ракета – рвут с места и, вылетев из-за поворота, чуть не сбивают старушек с ведрами на углу: Кровник даже чиркнул одну из них рычагом сцепления по плечу. Ведра в разные стороны, крик. Непонятно откуда взявшиеся дворняги с лаем бросаются за ними следом. Пару раз вильнув, с трудом удержав руль, он просто чудом не врежется в забор.

Выкрутив газ, Кровник вкладывает мотоцикл в затяжной поворот и направляет его на стену деревьев. Они влетают точно между двумя стволами.

– Вжжжжих! – переключил скорость.

– Ав-ав-ав! – разочаровано отставшие собаки где-то позади.

Они снова в лесу.

В третий раз за сегодня Кровник движется по этому маршруту.

Он крепко сжимает резиновые рукояти.

Она, обхватив его за талию, прижимается к нему всем телом.

Ветер в упор.

Сосны прямо по курсу.

Бросаются под колеса, словно самоубийцы.

Пролетают справа и слева.

Исчезают где-то за спиной.

Кровник неожиданно притормаживает у ничем не приметного куста и выхватывает прямо из него свой бронжилет. Он не глуша мотор, и поглядывая по сторонам, быстро натягивает его на девочку, затягивает «липучки».

Мгновение – и они снова мчатся сквозь лес.

Огромная черная туча. Грозовой фронт, надвигающийся с севера. Небо темнеет прямо на глазах.

Полосатый «носок» на флагштоке неподвижен.

Аэродром.

Кровник гонит прямо по взлетке, выжимая газ до отказа и чувствуя, как начинает отрываться от земли переднее колесо.

Винты крутятся, превращаясь в прозрачные, смазанные круги.

Два огромных ветродуя, метущих взлетную полосу лучше любой метлы. Жидкие клочки травы стелятся волнами.

Кровник летит прямо к нему, к зеленому самолету с тремя картами на хвосте, который стоит на том же крошечном пятачке с работающими двигателями.

Две маленькие фигурки рядом с открытым зевом грузового отсека.

Несколько мгновений – и он уже может различить, что это мужчина и женщина.

Пара секунд – и виден цвет их одежды.

Он видит, как они размахивают руками, стоя прямо на широком трапе, ведущем внутрь.

Он уже может различить черты их лиц.

Пилотка и совсем седой дед с коричневым чемоданом и рюкзаком.

Теперь они оба смотрят на оранжевую пулялку, несущуюся к ним.

Кровник слышит гул авиационных двигателей, чувствует запах, исходящий от самолета.

Он ударяет по тормозам. Мотоцикл пару метров несет юзом.

Он рывком сдергивает ребенка с сидения, хватая мешок и бежит к самолету.

Пилотка идет по трапу им на встречу. Она расставляет руки в стороны, словно собирается обнять Кровника.

– Ну, мля конечно!!! – орет она, перекрикивая шум двигателей. – Куда ж мля без тебя!!!

– Стой!!! – она выставляет ладони перед собой.

Дед что-то кричит ей на ухо, размахивая старым чемоданом, перевязанным бечевкой.

Она поворачивается к нему:

– Да мне по херу, кто ты такой!!!

Она прикладывает ладонь ко рту:

– ПО!!! ХЕ!!! РУ!!!

Она пихает деда в грудь и наступает на него, потихоньку вытесняя с трапа.

– Я вам что, рейсовая??? – вопит она. – Никого не беру!!!

Дед лезет за пазуху и достает старый табачный кисет. Он высыпает на ладонь три крупных золотых самородка.

– Бери любой! – орет он. – Два!! Бери два!!!

Она смотрит на золото.

Кровник толкает девочку перед собой.

– Дочь! – кричит он. – Операция! Срочная!! Нужно в больницу!!!

Он выхватывает из внутреннего кармана тугой пакет. Он срывает упаковку и показывает ей пачку долларов.

– Возьми! Половину!! Спаси!!! Дочь!!! – кричит он, – Операция!!!

Она смотрит на деньги. На девочку.

Кровник сует руку в правый карман и берется за ребристую рукоять.

– Ладно!!! – орет вдруг Пилотка и дергает головой в черный провал салона – Быстро!!!

Они бегут по вибрирующему трапу, Пилотка хватая Кровника за рукав:

– Аппарат!!! – кричит она и тыкает пальцем. – Не берешь???

Он оборачивается: оранжевый мотоцикл валяется на боку, метрах в десяти от самолета.

Кровник думает пару мгновений.

– Нет!!! – кричит, отрицательно махая головой.

Трап тут же начинает подниматься, превращаясь в заднюю большую дверь. Пилотка тыкает на длинную лавку вдоль борта, кричит:

– Сидеть всем там! Держаться крепко, пока не взлетим!

Дед плюхается на жесткое деревянное сидение, мостится, стаскивая рюкзак с плеч, ставит свой ободранный фанерный чемодан между ног. Шевелит губами, бормочет себе что-то под нос.

Кровник видит большие ящики с кованными металлическими углами стоящие прямо посреди багажного отсека. Гибкий витой трос, продетый сквозь стальные петли в полу, и хитроумный узел намертво фиксируют груз. Кровник знает около тридцати видов узлов. Такой узел он видит впервые. Дверь-трап поднимается, окончательно отсекая дневной свет, и в салоне становится почти темно. Освещение проникает теперь только сквозь иллюминаторы. Кровник видит еще несколько разнокалиберных ящиков. Очертания одного из них – того что ближе всех стоит к пилотской кабине – кажутся Кровнику смутно знакомыми. Пилотка возится возле двери, чем-то щелкая и звеня цепями.

– Глухой??? – орет она, пробегая мимо все еще стоящего Кровника, и обеими руками указывает на лавку. – Садись!!!

Нырять за занавеску, отделяющую экипаж от пассажиров.

Кровник ставит мешок на пол, быстро идет к противоположному борту и выглядывает в иллюминатор. Видит полосатое здание аэровокзала. Возле него курит человек в летной форме. Больше никого.

Самолет мягко трогается с места и начинает разворачиваться.

Кровник, пошатываясь, возвращается и опускается на сидение. Усаживает ребенка рядом с собой.

Дед, не мигая, рассматривает их обоих. Кровник дергает головой: «Чего?». Дед похлопывает себя обеими руками по груди и показывает на девочку. Голова ее торчит из бронежилета, словно из какого-то странного маскарадного костюма. Дед, выпятив нижнюю губу, уважительно кивает головой и показывает большой палец. Кровник пожимает плечами. Он смотрит на часы.

Взревев двигателями, задрожав всем корпусом, издавая свист и скрежет, самолет разгоняется и отрывается от земли.

Они быстро набирают высоту, и вдруг их резко клонит влево. Коричневый чемоданчик вылетает из-под деда и скользит куда-то в хвост самолета. Дед делает попытку поймать его.

«Стой!» – хочет крикнуть ему Кровник, но не успевает: дед, кувыркнувшись через голову, перелетает салон, и падает на спину, каким-то чудом не разбив себе голову об острый угол ящика. Самолет так же неожиданно выравнивается. Дед осторожно трогает свое правое ухо. Он смотрит на Кровника большими испуганными глазами и вдруг смеется. Кровник качает головой. Дед, подождав и поняв, что маневров больше не намечается, встает и, прихрамывая, идет в хвост собирать свой багаж.

Кровник поворачивается к девочке. Та выглядит бледной, и он осторожно прикасается тыльной стороной ладони к ее лбу: прохладный. Глаза ее – две спелых вишни. Его – два красных пятака. Он чувствует, как скрипят веки по иссохшей роговице. Вата во всем теле. Поспать бы. Поспать.

Взяв ребенка за руку, он идет в сторону пилотской кабины. Уже собравшись войти, останавливается: ящик, очертания которого показались ему знакомыми, – это большое старое пианино, намертво прикрученное к переборке здоровенными болтами. Кровник открывает крышку, видит черно-белые клавиши и золотые буквы «Украина». Он аккуратно возвращает крышку на место. Чувствует, как маленькая ладошка выскользывает из его руки.

– Эй! – говорит он встревоженно и присаживается на колено. – Ты чего?!

Она выглядит еще более бледной, чем полминуты назад. Черные круги под глазами проявились, словно на фотографии.

– Тебе плохо? – спрашивает он встревоженно. Она тяжело дышит, приоткрыв рот. Смотрит на него взглядом, в котором явно читается приближающийся обморок.

Он быстро снимает с нее бронежилет и бросает его на пол рядом с пианино.

– Тошнит? – спрашивает Кровник. Она беззвучно открывает и закрывает рот.

Он рывком отдергивает занавеску.

Вспышка.

В глазах такая резь, будто брызнули из баллончика со слезоточивым газом.

Слезы – сплошным потоком.

Он прикрывается рукой. Еле разлепляет веки и смотрит сквозь щели-пальцы: СОЛНЦЕ.

Они летят прямо на Солнце.

Они выше облаков.

В разрывы между их белесовато-серыми клочками виден лес. Сплошной ковер тайги. Смазанные полупрозрачные диски винтов сверкают в солнечных лучах, как остро отточенные лезвия. Уверенный низкий гул моторов. Пилотка в своем кресле, словно маг: висит над всем этим великолепием прямо в воздухе. Прозрачный пол под ее ногами выглядит хрупким и тонким, словно лампочка накаливания. Огромные темные очки скрывают половину ее лица. Она поворачивается и сдвигает один наушник:

– Че?

– Аптечка где? – он кивает на девочку. – Дочери плохо! Нашатырь есть?

– Вон! – дергает головой Пилотка.

Кровник открывает шкафчик, достает железную коробку с красным крестом. Быстро находит пузырек с нашатырным спиртом и идет к девочке. Та стоит, прислонившись к переборке. На солнце ее бледность еще более очевидна. Он откручивает крышку и выдергивает пластиковую пробку зубами. Сует пузырек ей под нос.

Она встрепенулась, дернув головой, заморгала.

– Ну?! – встревоженно Кровник.

Смотрит на него удивленно и одновременно испуганно.

Морок и поволока ушли из ее глаз. Стоит, хлопает ресницами. Кровник протягивает пузырек к ней, и она отстраняется, сморщившись.

– Че там? – спрашивает Пилотка из-за спины. – Лучше?

– Вроде да, – говорит он, изучающе глядя на девочку.

Замечает откидное сидение и усаживает ребенка на него.

Щурясь, смотрит по сторонам, завинчивает пузырек. Пилотка наблюдает за всеми его действиями.

Он видит свое изогнутое отражение в почти зеркальном стекле ее «поляроеидов». Показывает на кресло второго пилота:

– Можно?

– Можно... – говорит она. – Ничего не трогай...

Кровник осторожно протискивается в кресло. Пилотка поворачивается к девочке, рассматривает ее какое-то время, потом снова начинает созерцать тропосферу.

– Не летала чтоль никогда?

– Да, первый раз...

– Бледная она у тебя ужас просто... не наблюдает тут в кабине? Мне это нах не надо если че...

– Ты местная? – спрашивает Кровник.

Она смотрит на него:

– Ты дурак?

– В смысле?

– В смысле, а ты местный? А как тебя зовут? Телефончиками обменяемся? Или адрес почтовый дашь? Письма писать буду.

– Понятно, – Кровник хочет улыбнуться, но вместо этого вдруг зевает так, что хрустнуло в челюсти.

Он прикрывает рот рукой, хочет извиниться, но вместо этого зевает еще шире.

Приборы, небо, облака под ногами.

Он хочет спать.

В кабину сопя, вваливается дед. Откидывает второе сидение. Садится, уперев руки в бедра.

Пилотка смотрит на него. На девочку: та сидит с закрытыми глазами. Лоб и щеки – фарфор.

– Тебе куда? Где твоя больница? – спрашивает Пилотка, поворачиваясь к Кровнику.

– В Москву. Там госпиталь.

– Хо-хо! – она смотрит на него. – Че-то сегодня всех в Москву потянуло! Неее! В Москву я не полечу! Все кому в Москву – тем в область!.. В аэропорт!..

Она стучит по штурвалу:

– Хотя Катруся до Москвы легко дотянет. У меня дополнительные баки стоят с американского разведчика... вьетнамцы подогнали...

– Давай! – говорит Кровник. – Заплачу хорошо!

– Неее... – она качает головой, – Не могу. И Катруся сегодня грузовая. Мне посылку нужно сначала закинуть. Там строго по расписанию. Там прощелкать нельзя! Лицом «ноу клац-клац»! Дядя серьезный! Вперед тебя половину проплатил и таки хочет иметь за свои деньги сервис!.. А то его бойцы так по печени накидают!.. На аэродроме спрячетесь все в ящики. Я потом покажу в какие... Чтоб вас никто не видел... слышь дедуля? Спрятаться придется всем, как сядем, говорю! У меня условие такое было, чтоб я никого не брала... Люди придут, заберут свой груз и все – летим в область. Там вам и больницы и самолеты до Москвы...

Кровник кивает.

– Всех в Москву потянуло? – спрашивает он. – Сегодня?

– Да вон... – Пилотка кивает в сторону деда, – В грудь себя бьет, орет «я политический, я говорю всю жизнь с гадами боролся, полжизни из-за них сидел, а теперь хоть что-то сдвинулось, теперь, в Москве их бьют!»... Не может, в стороне остаться, политический... Хочет в Москву...

– И ты вон... – она смотрит на него, – Еще один москвич нарисовался... такими бабками светишь... опасно... народ тут денег давно не видел...

– Тебе первой показал, – говорит Кровник. – Если че буду знать, кто растриндел...

Она ухмыльнулась.

– Меня Савелий зовут, – сказал дед.

Они синхронно повернули головы в его сторону.

– Савелий?

– Савелий, – кивнул дед. – А тебя мне как величать, красавица?

– Пилотка.

– Значит, не слышалось... – Савелий покивал.

– Че ты там в Москве делать будешь? – спросила она. – А, дед? По баррикадам бегать? Лозунги орать? Там же, наверное, как в девяносто первом щас. Военный переворот! Хунта!

– Какой же это был переворот?! Какая ж это хунта?! – дед оживился. – Даже режим чрезвычайного положения не вводили! Когда деньги меняли, и то на ночь возле магазинов по стране «бэтээров» поставили! А Горбачев? Плел всем, что, арестован в своем Форосе, отрезан от связи. Брехня! У него в машине, в гараже телефон был. Хоть щас звони Бушу через спутник. Хунта это, а не хунта!

– А сейчас по-другому будет? – поинтересовалась Пилотка.

– По-другому, – сказал Савелий. – Чую, что по-другому. Куда уже дальше? Вместо денег коробки спичечные! Бабы не рожают, смертность повысилась! Словно кто-то извести род людской хочет! Чтоб мы все передохли! А хер им! Я тридцать лет в тайге проторчал, и все спасибо – хватит! Поеду, посмотрю, чего будет. А будет, чую много всего! Ленина вон вроде оживлять собираются! Колдун один по телику объявил, Лонго кажись фамилия его...

– Да ладно! – Пилотка засмеялась. – Его же вроде наоборот закапывать собирались!

– А меня любой расклад устроит! – сказал дед, – Закопают – и того лучше! Давно пора! Человек должен быть похоронен. Не по-людски это. По *нелюдски*. Не нормально это. Чего это он там лежит и не портится? А оживят – то так и есть – нелюдь. Значит, правду мамка моя говорила – упырь он, а не человек. Тогда ему кол осиновый и все одно закапывать!

Пилотка смотрела на деда.

– А ты за что сидел, Савелий? – спросила она.

– За свое.

– Много за твое дают?

– Достаточно.

– Реабилитировали?

– Всех когда-нибудь реабилитируют, – Савелий достал замусоленный платок и вытер нос. – Ватикан вон в том году Галилея реабилитировал.

– Да ладно!

– Точняк, – кивнул Савелий, – Папа Римский приказал... собрали комиссию, та три года пошептала и объявила, что церковь совершила ошибку. Что они силой заставили Галилея отречься. Мол, мы ошиблись, извините...

Кровник зевнул.

– Слушай, – сказал он, – Спать хочу, не могу... Долго лететь? Похрапеть успею?

Пилотка посмотрела на часы:

– Часа полтора у тебя есть... – она дернула головой в сторону салона. – Иди – там за коробками у левого борта матрас есть. Расстилай, прям на полу... Я разбужу минут за пятнадцать... будем вас по ящикам ныкать...

Он выбрался из кресла и взял девочку за прохладную руку:

– Спасибо.

– Всегда welcome, – сказала она и добавила, глянув на девочку, – ты там, в углу посмотри, пакеты целлофановые есть... дай ей парочку... не хочу, чтоб у меня блевотиной в салоне воняло.

Она отвернулась к штурвалу.

Он полетел в сон головой вперед.

Рухнул в него вверх тормашками, едва коснувшись головой матраса.

*Увидел начальные титры сновидения на ярких кадрах облаков. Он видел стадо невесомых небесных островов и сам был облаком-островом, и с ясностью, от которой хотелось зарыдать, вдруг понял, из чего состоят эти... **Я тебя щас кончу, сука быстро открывай!***

Кровник распахнул глаза.

– **Быстро открывай люк дура тупая!**

Он одним движением оказался на ногах. Кровь словно опомнившись – толчком – поступила в голову. Его качнуло. Он заморгал.

Автоматический пистолет системы Вальтера. Калибр 9 миллиметров. Произведен в Германии. Направлен ему в живот.

В салоне сильный сквозняк и шум: в узкую щель приоткрытого люка со свистом врывается воздух. Савелий стоит в хвосте самолета у ящиков, обвязанных тросом.

– Проснулся?! – кричит он, – Стой не отвечивай! Полетишь с дочкой в свою Москву! Или шамальну тебе в пузо, ты понял?!

Кровник кивнул. Скосил взгляд: девочка на деревянной лавке у правого борта. Мешок у ее ног.

Распахнутый коричневый чемодан валяется на полу. Рядом с черным затоптанным пальто Савелия. В сером свитере толстой вязки дед выглядит совсем по-другому. Но не только свитер делает иным его внешний облик. Широкие ремни стягивают плечи, грудь и промежность его: за спиной Савелия Кровник с изумлением различает спортивный парашют.

Савелий переводит ствол на Пилотку.

– Открывай! – орет он, – И сбрасывай груз в реку, дура!

– Это ты придурок! – вопит Пилотка. – Ты знаешь кому этот груз?! А?! Ты себе не представляешь, чей этот груз!

– Заткнись! – кричит Савелий, – Ты знаешь, кто я?! А кто надо мной?!

– А ты кто я – знаешь??? – она, сверкая глазами, стучит себя в грудную клетку. – А?! Кто меня нанял, знаешь?!

Савелий хохочет:

– Да все мы про тебя знаем, пися ты королева! И кому везешь, и что везешь! И что тебе сказали никого не брать! И что меня возьмешь, сучка, знали, потому что бабло за самолет нужно отдавать!

– Открывай! – Савелий направил пистолет ей в голову и снял его с предохранителя, – Открывай и кидай в реку!! Или сейчас сам все сделаю!!!

Пилотка зарычала, потрясая кулаками, и вдруг влепила себе пощечину.

Савелий положил палец на спусковой крючок.

– Хорошо!!! – заорала она, – Хорошо!!!

Кровник осторожно коснулся правым запястьем бедра. Почувствовал сквозь ткань дождевика выпуклость «стечкина», холод его рукояти.

Пилотка, держа раскрытые ладони перед собой, сделала пару шагов и стукнула по большой красной кнопке.

Ветер ворвался в расширяющуюся щель. Взлохматил седую гриву Савелия. Захлопнул пустой чемодан. Заметался по салону.

– Давай! – Савелий повел стволом в сторону ящиков стянутых тросом. – Отцепляй!

Люк на глазах превращался в дыру с трапом, ведущим прямо в небо.

Кровник зажмурился на секунду и тут же снова распахнул глаза: прямо за спиной Савелия, в этой дыре возник плавно опустившийся откуда-то сверху многоцелевой прифронтной истребитель «МиГ-29».

Он уже видел его сегодня.

Это не «такой же».

Это – тот самый.

Пилотка стояла, выпучив глаза и открыв рот.

– ВНИМАНИЕ!!! – раздался многократно усиленный громкоговорителями голос.

Савелий вздрогнул. В другой ситуации Кровник, возможно, даже рассмеялся бы – такое комичное удивление проступило на лице человека с парашютом.

Савелий обернулся.

– БРОСАЙТЕ ОРУЖИЕ!!! – он, этот искаженный голос – был снаружи и внутри. Он доносился и из-за занавески. Из рации в пилотской кабине и скрытых динамиков под потолком багажного отсека.

«МиГ» был настолько близко, что Кровник видел шлем пилота. Различал, как тот шевелит губами:

– У ВАС НА БОРТУ НАХОДИТСЯ НЕЗАКОННЫЙ ГРУЗ!!! НЕМЕДЛЕННО ИЗМЕНИТЕ КУРС И СЛЕДУЙТЕ ПО УКАЗАННЫМ КООРДИНАТАМ НА БЛИЖАЙШИЙ АЭРОДРОМ РОССИЙСКИХ ВВС!!! ПОВТОРЯЮ!!! БРОСЬТЕ ОРУЖИЕ И НЕМЕДЛЕННО ИЗМЕНИТЕ КУРС!!!

Их самолет трянуло. Пилотка стояла, вцепившись в переборку, и бешеными глазами смотрела на происходящее.

Савелий разжал кисть и выронил свой пистолет.

«Сейчас», – подумал Кровник.

Он сунул руку в карман и, достав «стечкин», выстрелил в ближайшее к нему крепление троса. Прямо в большой, не знакомый ему узел.

Кровник ожидал чего угодно, но то, что произошло дальше, удивило даже его: трос лопнул, взвился под потолок и выбил пистолет у него из рук. Он выскользнул из петель в полу и, щелкнув, словно хлыст, сбил Савелия с ног.

Савелий упал на бок и даже сделал попытку перевернуться на живот.

В этот момент самолет снова трянуло. Ящики, которые больше ничего не держало, с грохотом посыпались на пол и, ускоряясь, заскользили в хвостовую часть.

Савелий отчаянно вскрикнул и тут же острый металлический угол ударил его в голову. Прямо в височную кость.

Его обмякшее тело, покотившееся по трапу, ящики, летящие за Савелием следом, перекошенное лицо в кабине «МиГа» и клуб огня, возникший в раскрытом зеве люка:

– БАХ!!!

Взрывной волной Пилотку бросило на Кровника.

«МиГ» взорвался, лизнув своим реактивным пламенем их хвост и швырнув их воздушное судно в сторону. Самолет стал ощутимо заваливаться набок.

Пилотка, заработав локтями и коленями, отпихнула от себя Кровника, покатила в сторону кабины, вскочила на ноги и влетела в занавеску, сорвав ее с петель.

В иллюминаторы по правому борту Кровник увидел лес и реку, приближающиеся под необычным углом.

Он услышал, как взвыли двигатели, как заскрипели в полу, корпусе и крыльях механизмы и тросы, приводящие в движение рули и закрылки.

Самолет чиркнул днищем по мохнатым верхушкам сосен, стоявших на высоком берегу, и Кровник скривился, ожидая удара о воду.

Почти зацепив водную гладь, и даже подняв рябь на ее поверхности своими винтами, Катруся нехотя ушла выше, выравниваясь.

Он лежал, вжавшись спиной в переборку рядом с пианино, и обеими руками крепко держался за мешок. Девочка забила между двумя стальными коробами, привинченными к полу. Они смотрели друг на друга.

Кровник услышал, как загудел какой-то механизм, и увидел, что люк поднимается.

Он дождался, когда тот закроется до конца, поднялся на ноги и нашел на полу свой «стечкин». Проверил его и сунул в карман. Вытащил из мешка «калашников». Заглянул в патронник. Вставил первый попавшийся магазин. Разложил приклад. Посмотрел в иллюминаторы по правому борту. Перешел к левому.

Лес внизу.

Облакаверху.

Небо чистое.

Уловил движение позади себя и обернулся.

– Песец! – Пилотка смотрела на автомат в его руках, – Тебе тоже нужен мой груз???

Кровник опустил «калаш» стволом в пол.

– Успокойся, – он кивнул на девочку. – У меня свой груз, и остальное меня как-то не...

– Успокойся??? – завопила Пилотка, – Да мне просто песец!!! ПЕ!!! СЕЦ!!!
Она взялась за голову:
– Меня убьют!
– Нет, – сказал Кровник, – Никто тебя не убьет.
– Не «нет» а «ДА»!!! – она кивнула на его автомат, – Ты на свою пушку особо не надейся.
У того кому я везла груз все с такими ходят с утра до вечера и под подушку на ночь кладут...
Она смотрела на него.
– Автопилот у тебя нормально? – спросил Кровник, кивнув в сторону кабины, – Не боишься его одного за рулем оставлять?
Пилотка отпустила голову и всплеснула руками.
– Я дурею, ты фокусник! – воскликнула вдруг она, и потрогала ствол «калашникова», – Это ты что его незаметно достал и выстрелил? Где ты его прятал? В штанине?
Кровник засмеялся.
– Оружие есть? – спросил он. Пилотка кивнула.
– Обрез, – сказала она, и добавила задумчиво: – В кабине спрятан...
– Ух!.. – она посмотрела на свои ладони, – Не успела я его достать... Отстрелила бы я Савелию яйца.
– Не Савелий он, – сказал Кровник. – Я так думаю.
Пилотка смотрела на него.
– Слышь? – глаза ее сверкнули, – А «МиГ» реально взорвался?!
– Да, – Кровник еще раз быстро проинспектировал иллюминаторы по обоим бортам. – Нам просто охеренно повезло.
Пилотка улыбнулась, но тут же снова стала серьезной. Тряхнула головой. Достала из кармана сигареты. Щелчком выбила одну из пачки.
– «МиГу» песец, грузу песец и мне песец, везет мне! – она прикурила и выдохнула дым. – Везет же мне!
– Спокойно, – сказал Кровник, отстегнул магазин от «калаша», сложил приклад и спрятал автомат обратно в мешок, – Никому тут не песец.
– Ты просто не представляешь как я впухла, – Пилотка смотрела в иллюминатор. – Дядя, которому я везла эти ящики, оочень большой человек... когда он узнает, что...
Она повернулась к Кровнику:
– А Савелий и те, кто с ним, наверно на всю голову отмороженные, если решили себе проблем на жопу с этим дядей заиметь...
– А «МиГ»? – спросил Кровник.
– «МиГ»?! – воскликнула она, – Ты меня спрашиваешь?! «МиГ» это вообще на голову не натянешь!!! «МиГ» – это я ваще не понимаю!
Пилотка смотрела на него большими глазами.
– Он точно взорвался? – спросила она.
– Точно, – сказал Кровник. – А у тебя там точно груз был? А то может тебя сразу хотели подставить? Сразу так придумали? Савелия этого и...
– Ты его репу видел? – Пилотка прикурила вторую сигарету от первой, – Он же сам явно охерел от всех этих раскладов...
Пилотка смотрела на него, кусая губы.
– Слушай! – сказал Кровник с нажимом. – Здесь я никто. Здесь я просто мужик с пушкой и девочкой. Но в Москве я реально смогу тебе помочь. В Москве я...
Она прервала его взмахом руки.
Кровник услышал громкий электронный писк. Пилотка швырнула сигарету под ноги и кинулась в сторону кабины. Кровник побежал следом.

Пилотка, нахмурившись, осматривала приборную доску: несколько мигающих красных лампочек.

– Что? – спросил Кровник. – Автопилот барахлит?

– Топливо! – она защелкала тумблерами. – Почти на нуле!

– Как? – Кровник крутил, головой озираясь, – У тебя же дополнительные баки!

– А кто в них керосину залил?! Ты!? – Пилотка зыркнула на него. – У меня в штатном баке все нормально было!.. Заправилась на туда-обратно под завязку!

Она постучала пальцем по одному из круглых циферблатов:

– Керосин вытекает! Это если из... – она вдруг осеклась и опрометью кинулась обратно в салон. Кровник побежал следом.

Пилотка стояла на коленях.

– Вот! – Кровник увидел небольшую дырку. Отверстие. Место, где в корпус самолета вошла его пуля.

– Песец! – сказала она, – Это же ты придурок мне топливную систему продырявил!!!

Она вскочила на ноги и, матерясь, побежала обратно в кабину. На этот раз Кровник не последовал за ней. Он сделал пару шагов и грузно опустился на один из ящиков, за которыми все еще сидела девочка.

– Нормально, – сказал Кровник. – Все нормально.

Он услышал, как Пилотка стала что-то кричать в рацию, но не смог разобрать ни слова.

Девочка блестела глазами в своем убежище.

– Все нормально, – повторил он и поманил ее рукой, – Вылазь...

Девочка шевельнулась. Через пару секунд она стояла рядом с ним.

Кровник достал из мешка аптечку, разорвал упаковку ваты, похожую на невесомую сардельку и, вырвав большой белый клочок, аккуратно стер пятно серебристой пыли с ее скулы.

– О! – сказал Кровник. – Тебе лучше, да?

Молочная бледность уходила. Проступали на ее щеках розовые пятна. Глаза из черных дыр снова превращались в спелые вишни.

Кровник улыбнулся и подмигнул ей. Затрепетала ресницами.

Пилотка опять закричала в рацию, и опять Кровник не смог разобрать ни слова. Он замер повернув ухо в сторону кабины. Вслушался.

Наконец понял, что она говорит с кем-то по-китайски.

Самолет, задрав нос, стал забираться выше, Кровник взял ребенка за плечо, и тут наступила тишина.

Он почувствовал, как пропала вибрация.

Увидел, как замедлились и замерли огромные винты по обоим бортам.

Услышал тонкий свист ветра в пулевой пробоине.

– Эй ты! – Пилотка кричала из кабины.

– Я?!

– Да! Ты! Вы! Оба идите сюда! – голос ее был совсем рядом, за перегородкой.

Она сидела, вцепившись в штурвал.

Край солнца тонул в огромном облаке где-то прямо по курсу.

– Что? – спросил Кровник. – Все? Керосин нихт?

– Керосин не нихт, керосин экономим, – Пилотка смотрела на приборы. – Я повыше забралась, будем планировать и ждать товарища Ли Чжэньфаня с его волшебным китайским примусом.

– В смысле? – спросил Кровник, – Заправщик? Китайский? Его же ПВО собьют на границе! Сначала их, а потом наши вдогоночку!

– Семь тысяч нарушений государственной границы за последний год, – сказала Пилотка. – Из них пятьсот по воздуху, из них десять мои. Если считать туда и обратно...

Она тряхнула головой:

– Тебя это вообще не должно волновать дядя! Тебе в Москву надо?

Кровник кивнул.

– Можешь начинать платить за проезд, – сказала она. – У меня денег с собой ноль, а товарищ Ли Чжэньфань за бесплатно не заливает.

– Мы летим в Москву? – спросил Кровник.

Они смотрели друг другу в глаза.

– Сначала мы заправляемся, – говорит Пилотка.

– А потом мы летим в Москву?

– Потом мы ремонтируем Катрусю у Васи Микки Мауса. До него минут тридцать лететь. Даже если керосин течет, с полными баками дотянем... Вася нас быстро чинит – надеюсь очень быстро – и мыдвигаем на Москву.

– Точно? – спросил Кровник.

– Точно. Если я останусь, меня вылюбят, высушат, убьют и закопают. Я против если че...

Пилотка дернула щекой и посмотрела на девочку.

– Эй! – сказала она, вдруг улыбнувшись. – Смотри-ка, а нас уже не тошнит, да? Ты как, красавица? Испугалась?

Девочка молча рассматривала человека за штурвалом.

– Тебя как зовут? – спросила Пилотка.

Молчание.

– Немая что ли доча твоя? – она повернулась к Кровнику.

– Можно сказать и так.

– Понятно... – Пилотка посмотрела на приборы. – Как звать?

Кровник прикрыл глаза.

– Маша.

– А тебя?

– Миша, – сказал он.

Кровник вздрогнул: двигатели взревели, и почти моментально винты за бортами опять превратились в смазанные овалы с острыми краями.

Пилотка быстро защелкала тумблерами, мяукая что-то в шлемофон по-китайски.

Кровник почувствовал тень на своем лице и тут же сквозь стеклянный потолок увидел огромный, черный самолет.

Заправщик.

Тяжелый, старый, без опознавательных знаков. Нависающий, словно большая туча.

Летит тем же курсом, в одной скорости с ними.

Пилотка проквакала что-то в микрофон и стащила наушники с головы.

– Теперь очень быстро! – закричала она и вскочила с кресла, – Двигай за мной!

Рычаг бокового люка плавно ушел вниз. Они вдвоем потянули большую толстую дверь из авиационного алюминия на себя и с усилием втащили ее в салон. Зафиксировали у борта внутри. Ледяной ветер свистел, хлеща их по лицам. Кровник увидел в проем, как от большого черного самолета отделилась черная макаронина топливного шланга.

Пилотка распахнула узкий шкафчик, который он не заметил ранее, и выхватила из него пояс монтажника-высотника. Молниеносно затянула его на Кровнике. Защелкнула карабин короткого страховочного троса в одном из такелажных креплений на полу.

– Ну?! – она бешеными глазами смотрела на Кровника, – Поймай его и втащи сюда! Я буду рулить! Командуй мне! С Богом!!!

Она побежала в кабину. Черный шланг слегка извивался метрах в пяти от раскрытого люка.

Кровник, вцепившись обеими руками в скобу у дверного проема, смотрел на него. Сделал шаг назад. Почувствовал, как натянулась страховка. Нашупал рукой крепление троса у себя на поясице.

– Блин... – сказал он себе под нос и не услышал себя.

– Левее!!! – заорал он что есть мочи, – Левее!!!

Самолет плавно качнулся и придвинулся к шлангу на пару метров.

Лес медленно проплывал где-то внизу.

Ключья облаков с бешеной скоростью летели совсем рядом – прямо над головой.

– Левее!!! – он чувствовал, как ледяной воздух врывается в горло, как стыннут его голо-
совые связки, – Левее!!!

Самолет качнулся. Шланг исчез из виду и заскрежетал по обшивке.

– Вперед!!! – завопил он. – Твою мать!!! Вперед!!!

Он вдруг увидел черную горловину с металлическим наконечником. Прямо перед собой, по ту сторону дверного проема. Словно большой черный червяк осторожно заглядывал внутрь, стесняясь войти.

Кровник отлепил одну руку от скобы и, нагнувшись, схватился за краешек. Ветер ударил в глаза, высекая слезы, хлестнул по руке, выхватил шланг.

Сжав зубы и зарывав, Кровник вцепился в него обеими руками и рванул на себя всем телом. Он втащил шланг в салон.

– Все!!! – заорал он. – Все!!!

Спустя секунду – Пилотка рядом с ним.

Она делала все очень быстро: откинула крышку в полу, схватилась за шланг, одним движением воткнула наконечник в отверстие.

– Пять баллов!!! – она показала ему раскрытую ладонь и сразу убежала. Кричать в свою рацию.

Кровник нагнулся и отстегнул страховочный трос. Снял пояс и бросил себе под ноги. Сел на лавку у борта. Тут же встал. Прошелся по салону в хвост. Постоял, держась за борт.

У капитана Кровника было ощущение, что он махнул стакан водки и запил его литром кофе. Он никак не мог надышаться. Сердце оглушительно ухало в барабанных перепонках, с бешеной скоростью перекачивая кровь.

Он потрогал свой лоб.

Пилотка перемещалась даже не бегом – стремительными большими прыжками. Только что была у входа в кабину и – хлоп(!) – уже около него. В руках у нее он увидел капсулу пневмопочты похожую на большой футляр губной помады.

– Все!!! – она протянула руку, – Давай деньги!!!

Кровник вытащил пачку из внутреннего кармана:

– Сколько?

– Три сотни!

Он отсчитал три бумажки:

– На!

Она свернула банкноты в трубочку и сунула в капсулу. Быстро завинтила крышку и тут же оказалась у люка.

Кровник увидел, как она отсоединила шланг, пристегнула капсулу и выбросила все получившееся за борт. Это заняло у нее не больше трех секунд. Он подоспел как раз к тому, чтобы помочь ей захлопнуть большую алюминиевую дверь.

Пилотка провернула рычаг в положение «закрывается».

В салоне наступила относительная тишина.

– Все нормально? – спросил Кровник.

Она кивнула. Улыбнулась:

– Ай да мы! Да?

– Да, – Кровник улыбнулся ей в ответ. – Никогда не слышал о такой системе дозаправки.

– Ясен пень! – она развела руками, – Но этот самолет другой не оборудован!

– Чем он еще не оборудован?

– Противомудацкой защитой, – сказала она. – И антигондонной.

Кровник захохотал.

Они стояли и, улыбаясь, смотрели друг на друга.

– Что у тебя карты на хвосте означают? – спросил Кровник.

Пилотка подобрала с пола пояс со страховкой и повесила его обратно в шкафчик на крючок, закрыла длинные узкие дверцы.

– Ну, тут я обычно говорю, что выиграла Катрусю в карты, – сказала она.

– А на самом деле?

– На самом деле не скажу... – она вытерла ладони о задние карманы джинсов.

– А Катрусю, почему тоже не скажешь?

– Неа.

– Но «Катрусю» это же имя?

– Ага.

– Это воздушное судно и у него есть имя?

– А я его капитан! – сказала она. – И хватит об этом! Ты мне лучше вот что скажи, ты...

Самолет трянуло. Еще раз. Кровник услышал, как забуксовал и чихнул левый двигатель.

Пилотка побледнела и метнулась к иллюминатору.

Мгновение – и она поскакала в кабину.

Кровник услышал, как закашлял правый движок.

– Сууукааа!!! – взвыла Пилотка.

– Что такое?

– Этот урод мне паленой херни какой-то залил, падла!!!

Она схватила шлемофон и защелкала рацией, быстро передвигая бегунок по шкале:

– Ноль сто первый! Утя! Слышишь меня? Дядь Жень?! Есть там кто?! Ноль сто первый!

Самолет трянуло. Пилотка скривилась как от зубной боли.

– Ссуукааа! – простонала она, – Движки спалим!

– Ноль сто первый! – закричала она в микрофон, – Слышишь меня? Слышишь?! Ох, мля без ля-ля, дядь Жень! Полоса свободна?! Я шас на тебя упаду! Потом все объясню!

Она вцепилась в штурвал и повернулась к Кровнику.

– Все! – сказала она, как показалось ему радостно, – Молимся!

Почти до самого конца он не мог понять, куда она собирается садиться.

Кровник был уверен – врежутся.

Она просто выпустила вдруг шасси, направила самолет вниз, и они понеслись к земле под таким углом, что стало понятно – врежутся. Прямо в деревья. Вмятку. Верхушки сосен приближались с бешеной скоростью. Замелькали в трех, в двух, в метре от стеклянного пола под ногами.

– Ой-ей-ей! – только и сказал он.

И деревья вдруг кончились. Кровник увидел широкую просеку под ногами.

– Держись! – заорала она.

Все время пока они катились по посадочной полосе, она хохотала. Хохотала, пока разворачивались. Хохотала, пока подруливала к большому навесу, спрятанному среди деревьев.

– Ха-ха-ха! – кричала она. – Видел бы ты свою рожу!

Лысый как колено мужик в точно таком же, как у Кровника брезентовом дождевике, стоял, опираясь на палочку, и рассматривал троицу, идущую к нему от самолета.

– Охренеть! – воскликнул он, как только они ступили под навес, – Я слушай, думаю, где ты там летишь?! И тут Катруся просто камнем с неба! Чисто вписалась! Красава!

– Спасибо! – Пилотка кивнула. – Ура мне!

Кровник увидел деревянное крыльцо за спиной мужика и только потом понял, что там – за его спиной – целый дом. Деревянный сруб из крупных бревен, плотно укутанный маскировочной сетью, утыканный поверху ветками.

Широкая низкая изба с покатой крышей и несколькими небольшими оконцами. И не различишь ее сразу. Не то, что с воздуха – с тридцати шагов можно не заметить.

Под навесом Кровник увидел большой компрессор, пару верстаков, несколько бочек, голубые баллоны с кислородом, какие-то ящики.

Мужик внимательно осматривал Кровника.

– Это кто? – спросил он.

– Пассажиры, – Пилотка крутила головой по сторонам. – А где Утя?

– Какие пассажиры? – мужик стоял не шевелясь. Пилотка скривилась.

– Не грузи, дядь Жень! – сказала она, приложив руку к груди. – Мля стока всего сегодня! Мне вон китайцы дерьмо какое-то залили, чуть не навернулась!

– Кто именно?

– Товарищ Ли Чжэньфань, прикинь?!

– Иди ты!

– Я сама охренела! Таких косяков за ним ваще не помню! – она кивнула на самолет. – Слей эту хрень по-быстрому и залей мне новый керосин, да полетела я дальше...

– Ну конечно! – сказал дядя Жень саркастически. – Уже бегу! Ты мне торчишь за две крайних заправки и задний руль!

Пилотка показала на Кровника.

– Вот, – сказала она. – Мужчина сегодня платит за даму. Да, мужчина?

– Сколько? – спросил Кровник.

– В юанях? – дядя Жень рассматривал мешок за его плечами. – Или в рублях?

– В долларах.

Дядя Жень поднял левую бровь.

– Шиссотписят! – выпалил он.

Кровник кивнул.

– О! – воскликнул дядя Жень, – Другой базар!

Он повернулся к Пилотке:

– Ну, так че там? Говно слить, нормального керосину залить... Все?

– Еще заделай мне топливопровод... под днищем дырка... вытекает все... и быстрее, быстрее дядь Жень! Вечер уже скоро! Не хочу я тут у вас ночью торчать, не люблю я тут у вас... – она завертела головой, – Где Утя! Пусть тебе поможет уже, блин! В темпе, в темпе!

Кровник посмотрел в небо.

– Утя в город уехал... – дядя Жень, взяв с верстака чемоданчик, прихрамывая, пошел в сторону самолета. – Повез посылочку для...

Он глянул на Кровника.

– Вернется, короче, скоро...

– Когда скоро?

– Ну, через час где-то...

– А тебе сколько времени нужно... ну на все? – спросила Пилотка.

– Мне ж сначала посмотреть надо! – Дядя Жень остановился и раздраженно взмахнул чемоданчиком, – А не триндеть тут с тобой!

- Все! – она зашила рот невидимой иглой.
- В дом идите, не торчите тут! – пробурчал он и потопал к Катресе.

Они поднялись по ступеням.

Пилотка потянулась к дверной ручке.

– Чш, – тихо сказал Кровник. Он достал пистолет из кармана:

– Теперь пошли.

Первое, что увидел Кровник – рацию в окружении автомобильных аккумуляторов.

На большом самодельном столе прямо посреди комнаты в клочках промасленной бумаги какие-то запчасти. Пахнет едой, солидолом, оловом и припоем.

Русская печь в углу потрескивает дровами.

Две одинаковые двери, ведущие куда-то дальше вглубь дома.

Кровник поставил мешок на пол.

– Там что? – негромко спросил он.

– Спят они там... – Пилотка пожала плечами.

– А там? – он кивнул на другую дверь.

– Там у них ванная...

Кровник приоткрыл правую дверь: две кровати в полумраке. Занавешенные окна.

Приоткрыл левую.

Действительно, ванная комната. С самой настоящей чугунной ванной.

– Это я им подогнала, – Пилотка стояла у него за плечом. – Тяжелая, зараза... Не знаю как они ее сюда заперли...

Пахнет мылом и мокрым деревом. Полотенце на гвозде, вбитом прямо в стену.

– Не гони... – сказала она. – Че ты тут ищешь?

– Ничего...

Он раздувает ноздри – запах немытого тела. Его запах.

– Да все нормально, – Пилотка взяла большую железную кружку и стала наполнять мятый алюминиевый чайник. – Это ж дядя Женья.

– А тот был дядя Савелий.

Пилотка поставила чайник на печь.

– Ты лучше оружием тут не свети, – сказала она, – Они на это дело тут очень нервные.

– Да?

– Да. И так, тут тебя притащила... – она выглянула в окно, прищурилась. – Че он там копается, черт хромой... быстрее валить надо, а он копается...

Кровник убрал пистолет в карман.

– Не нравится тебе здесь? – он усадил девочку на лавку, присел сам и понял, что суставы ног, каждая мышца и даже, кажется, кости ноют от усталости. Между лопатками и в поясницу вбили по большому раскаленному гвоздю.

– Неа... Не нравится...

– Чего?

– Того! – она оседлала лавку напротив него. – Плохие тут места.

– А там, откуда мы прилетели хорошие?

– Там тоже не фонтан, но здесь – вообще беда. Тут народу пропало – просто тьма! И никого не нашли.

– Дааа? – протянул Кровник. – Никого-приногого?

– Ваше никого. Кто здесь пропал – тот с концами. Тут деревня одна была, километрах в десяти отсюда... там однажды, перед войной еще, вообще все исчезли... вместе с детьми... вечером, говорят к ним артисты приехали, агитбригада какая-то с концертом... кино крутить

собирались... а утром почту им привезли – нет никого... хаты пустые... клуб настужь... и весь пол в крови засохшей.

Ее передернуло.

– Фффу! Жутко тут... Ты вот не чувствуешь, а мне тут как-то аж плохо... Особенно ночью... Разок тут ночевала... Всю ночь кто-то вокруг дома ходил... Я с утра этим двум говорю, они мне «не выдумывай»... Раньше здесь несколько деревень было. Но как люди стали пропадать, так народ отсюда весь быстро слился... дома за собой жгли.

– Зачем?

– Ну... – она помолчала. – Говорят, чтоб в подполе нечисть всякая не селилась...

– Нечисть?

Пилотка отклонилась на лавке чуть назад и, задрав подбородок, выглянула в оконце. Вернулась в прежнее положение.

– Этот гондон Ли Чжэньфань, пить как все китаезы ни хера не умеет – сказала она. – Как-то пьяный тер мне, что в конце тридцатых сюда по железке эшелон ночью пришел, на рудники... мол, с врагами народа... только охрана у эшелона были не вохра, а волкодавы с автоматами.

Пилотка достала сигарету и прикурила от зажигалки, лежащей на столе.

– Разгружали, говорят, его странно. Загнали этот состав прямо в шахты, под землю и там бросили... а выход взорвали...

Она выпустила дым в потолок.

– Так вот, товарищ Ли Чжэньфань говорит – месяца через два и у них народ стал пропадать... тут же места женьшеневые... корень самый тот растет, что надо... раньше китайцы здесь все разрывали... все выкапывали... погранцы их наши замонались гонять... а щаз тишина... уже давно никто не шмыгает... бояться.

– Кого?

Пилотка смотрела со своей стороны лавки расширившимися зрачками.

– Говорит, с нашей стороны через границу к ним по ночам **диша** стали приходиться...

– Диша?

– Типа бесы. Только еще хуже. Говорит, мертвяки они... из могил повылазили... землей от них пахнет... они сами мертвяки и людей в мертвяков ходячих превращают...

– В **диша**?

– Ну, да...

– Как?

Она пожала плечами.

– Говорит, кусают человека и хоп – он тоже становится таким же **диша**... и убить, говорит, их нельзя... потому как они уже мертвые... всю ночь говорит, бродят, гнилоголовые... живых ищут... как найдут – набросятся и кровь всю высосут... а под утро в могилы свои возвращаются...

– Гнилоголовые?

– Китайцы их так называют.

– Веришь?

– Я ж тебе говорю – китайцы очкуют тут даже днем появляться. Только товарищ Ли Чжэньфань и еще парочка, и то по воздуху... а он еще с детства пуганый...

Она затушила окурок в пустой консервной банке.

– Однажды, говорит, у него в деревне, когда он был еще мальчишкой, сын какого-то их китайского начальника дико впух... больной совсем на голову был... убил какую-то тетку и изнасиловал... причем в этой вот последовательности... за это нигде никогда особо не хвалили... и, короче, светила пацану за это по закону стопудовая китайская вышка... а в тот момент народ там очень нервный был... хотели этого юного некрофила на месте разорвать...

Она прикурила еще одну сигарету.

– Короче, отец его упросил народ не отдавать сына под суд... решили его привязать за деревней к столбу и оставить на ночь. Ли Чженьфань говорит, все сразу на это согласились, особенно родственники тетки... сын вопил, проклинал отца... а тот комуняка такой китайский был, жесткий дядька... он всем сказал так: мол, если виноват – получит по полной программе. А жив останется – тогда его отпустят в лес... значит, такова его типа *карма* или че там у них... пусть типа идет и живет один вдали от людей, как зверь... ну а придет обратно – пусть на себя пеняет... убьют его на месте. Народ в общем согласился... но самые хитрожопые догадывались конечно, что всякая карма-хуярма тут не при чем, что папаня хочет сынулю таким способом выкрасть... в общем, чтоб никаких подстав не было, на эту ночь к семье преступника в дом смотрящих посадили...

Она выдохнула дым в потолок.

– Ну, короче, перед закатом привязали того к столбу, сами по домам разошлись и стали слушать. Стемнело. Тот покричал, попроклинал их, стал песни похабные петь что ли... и вдруг вой... такой страшный что у всех волосы дыбом. Тот привязанный как свинья заверещал... Товарищ Ли Чженьфань говорит что его до сих пор трясет как вспоминает... даже руки мне свои показывал... все в пупырышках. Короче, утром не нашли того красавца. Только веревка, оборванная в пятнах крови...

Пустила дым носом.

– А примерно через неделю, тоже ночью, в доме отца шум страшный поднялся... но никто не кинулся на помощь... сидели за дверями, слушали. Утром всей деревней пошли посмотреть – пустой дом... никого нет... соседи их ближайшие говорили, будто в полночь царапался кто-то в окно к папашке. В общем, в деревне товарища Ли Чженьфаня считают, что это сын-мертвяк за папаней приходил, а тот его, дурак, впустил... такая вот история... Теперь там вообще никто не живет в той деревне его... уже лет сорок как все уехали подальше.

Пилотка затушила вторую сигарету в той же банке:

– Да с нашей стороны тоже... тут, если сверху смотреть, все брошенные деревни видны... те, что не спалили... остальные сгорели давно – там уже новый лес вырос... на пожарищах...

Кровник в очередной раз осмотрелся по сторонам:

– А эти тут как живут? Дядя Жень и Кутя?

– Утя... – она пожала плечами. – Не знаю. Им, наверное, похеру. Утя в розыске пятый год... и где они еще взлетку возьмут? В тайге вырубят? Это толпой работы на год, а их двое. Здесь просека, укатанная, как по заказу... неее... они отсюда не свалят...

– Они контрабандисты?

Пилотка захохотала.

– Ну, извини! – сказала она. – Я это слово только по телевизору слышала...

Кровник увидел тонкую дымную нить толщиной с волос, вьющуюся на невидимом сквозняке.

Тонкий почти бестелесный росток, прорастающий прямо из

Его глаза полезли из орбит: *из ее рта!*

Он понял, что воздух стал твердым. Что он больше не может больше вдохнуть ни миллиграмма.

– Черт! – прохрипел он.

Он вспомнил.

Он все вспомнил.

Как полетел в сон головой вперед.

Как рухнул в него вверх тормашками, едва коснувшись головой матраца.

Как видел облака и сам был облаком.

Он смотрел вниз и видел крошечного себя, лежащего в детской коляске и смотрящего в небо. Он смотрел на себя, смотрящего на себя, и с ясностью, от которой хотелось зарыдать, вдруг понял, из чего они состоят – эти висящие в небе неповоротливые острова, одним из которых был он сам.

Он увидел белую траву, тонкую как... нет даже тоньше человеческого волоса. Пустившую невидимые корни *неборосль*, медленно колышущуюся в потоках воздуха... Врастающую снежно-блондинистыми волокнами друг в друга, сплетающуюся в невесомые сети, ловящие ветер... И тот ловился, охотно путаясь в тончайших струнах-стеблях, звенел еле слышно, выплетая такую же невесомую мелодию. Мелодию, становящуюся все уверенней, все гуще... Он услышал, что небесная виолончель взяла одну главную настойчивую низкую ноту, тянущую в этом оркестре одеяло на себя. Тянущую его за уши из сна, превращающуюся в ровный гул...

Он полетел из своего сновидения ногами вперед, полетел в этот

Ровный гул моторов.

Ему кажется? Или он действительно стал иным? Другим? Он – этот звук – действительно изменился?

Ему не хочется открывать глаза. Ему хочется вернуться обратно в свой сон про облака.

Но обратно уже не получается.

Еле уловимый запах в полудреме...

пахнет «словно»... пахнет «будто»... пахнет «как бы»...

Он разлепляет веки. Тусклый свет. Проникает в иллюминаторы, бесцветный как пустая стеклянная банка. Ему не нравится этот свет.

Он моргает и вдруг одним движением оказывается на ногах: мешок!!! Где мешок?!

Он оставил его вот здесь у лавки, рядом с

Где она?! Где девочка?!

Он с колотящимся сердцем озирается по сторонам.

Никого.

Ровное невыразительное безликое освещение, похожее на белое варево, сочится из иллюминаторов в пустой салон.

Никого.

Он сует руку в карман, и сердце останавливается вовсе: ПИСТОЛЕТА НЕТ!!!

Он рывком одергивает занавеску и вбегает в кабину.

Пустые кресла и штурвал, замерший в цепких невидимых лапах автопилота.

Он смотрит сквозь упругое выпуклое стекло кабины: прямо по курсу, слева, справа, вверху и внизу – сплошное молоко. Винтов не видно. Даже намек на них. Густая белесая масса облака в которой...

Летит сейчас самолет?

Висит на месте не двигаясь?

Запах.

Этот как бы *запах*. Запах который не вызывает никаких ассоциаций, за которым не закрепляется ни один из известных цветов или образов...

Этот словно... этот будто... этот как бы запах исходящий от...

От того кто находится сейчас за его спиной.

Он оборачивается.

Она прорастает прямо из воздуха.

Проступает из бутылочно-алюминиевого пространства в двух шагах от него.

Бесцветная трава, растущая сквозь, внутрь, наружу, извне, с запада на восток, с севера на юг – тело ее.

Глаза ее – ртуть.

Я сплю. Я сплю. Я сплю.

– **Ты спишь. Я сплю. Мы спим.**

Кровник почувствовал, как его язык пророс скользкими стеблями сквозь зубы, хлынул между губ, из ноздрей и уретры...

Сердце, лопнув, раскрылось алым бутонем в груди, запылало огнем, высыпало мелкими цветами пламени на тыльных сторонах ладоней. Он увидел серебристые искорки пыльцы, поднявшиеся с ресниц.

Его ресниц? Ее ресниц?

– **Мы спим. Ты спишь. Я сплю.**

– Спим?

И все исчезло.

Все – запах, цвет, свет, фальшивый гул моторов, пыльца и бутоны.

Только Он и **Она**.

И пустая оболочка самолета, как выгнившая изнутри гигантская стрекоза.

Тающая прямо на глазах тут и там. Появляющаяся снова тут и там. Перетекающая в саму себя.

Она.

Смотреть в ее глаза – мучение.

Оторвать взгляд – невозможно.

Две капли ртути.

– Я хочу проснуться.

Она отрицательно покачала головой.

– Почему?

– **Это не твой сон.**

– Твой?

Она отрицательно покачала головой.

– Кто ты?

– **Я твой груз.**

– Ты совсем не похожа на себя.

– **Это же сон.**

– Чей?

– **Неважно. Ты проснешься и все равно ничего не вспомнишь.**

– Так я все-таки проснусь?

– **Да.**

– А вдруг вспомню?

– **Это было бы хорошо.**

– Почему?

Кровник заорал от ужаса, закрывшись руками.

СТОЗУБАЯ НАПОЛНЕННАЯ КРЮЧЬЯПИЛАМИ

ИСТЕКАЮЩАЯ СМРАДОМ И СЛЮНОЙ ПАСТЬ.

ЛОПНУВШИЕ СТРУПЬЯ ВМЕСТО ГЛАЗ.

– **Тебе страшно?**

Она стояла на прежнем месте.

– Что... что... кто это?

– **Гноеглазые.**

– Гноеглазые?

– **Я пришла в их сны, а они приходили за мной.**

Ее правое ухо, распустившееся большим медузоцветком, шипастые стебли алоэпальцев, пыльца слов, летающая с лепестков губ.

– Приходили за тобой? Во сне?

– *Нет же. Туда, где меня взял ты. В Лампу.*

– В Лампу?

– *Тот, с одним глазом, называл это Лампа.*

– С одним глазом? – Кровник наблюдал зеркальную колбу, выросшую из ее лба. – Профессор?

– *Да. Все называли его профессор. Все считали, что я больна. Все кроме него. Он один говорил, что я не больна. Я ему снилась.*

– А мне ты сейчас снишься?

– *Ты же спишь.*

– Но сон не мой?

– *Нет.*

– Чей?

– *Это сон мухи, заснувшей на зиму в аптечке этого самолета.*

– Но зима еще не скоро.

– *Это было позапрошлой зимой. Она видела сон, и сон остался здесь. Он никуда не делся. И она сама до сих пор там, эта муха... в аптечке.*

Кровник вдруг понял, что воздух стал твердым. Что он больше не может его вдохнуть. Он схватился за горло, за грудь. Глаза полезли из орбит.

– *Извини,* – сказала она. – *Это неприятно.*

Кровник почувствовал сквозняк.

Невидимую тугую струю воздуха.

Непонятно откуда взявшийся ветер.

– *Открывай,* – сказала она.

Он ощутил, как неудержимая сила стала отматывать от него тонкие нити.

– *Открывай люк, а то я тебя щас кончу дура тупая!* – заорала она.

Кровник сидел, открыв рот.

– Чего? – Пилотка потрогала свое лицо и осмотрела пальцы, – Вымазалась?

Он встал и пересел на стул у стены.

Глаза вишни. Черная спецовка с подвернутыми штанинами и закатанными рукавами.

– Чего ты?

Он, с трудом оторвав взгляд от девочки, посмотрел на Пилотку еще раз.

– Жрать хочу, – сказал он, помолчав. – Пожрать тут можно сообразить?

Она сунула нос в кастрюлю стоящую недалеко от рации.

– Каша с тушенкой.

Кровник сглотнул слюну:

– Можно?

– Щас... – она, пригнувшись, выглянула в окошко. – О! Сам уже сюда идет!

– Маша твоя есть хочет? – спросила она.

Кровник смотрел на девочку.

Чистый лоб. Короткие растрепанные волосы. Кеды.

Маша.

– Да, – сказал он.

Пилотка кивнула.

Они услышали стук палки по ступеням, потом шаги в сенях.

Дядя Женя, громко сопя, вошел в дом.

– Ну что? – спросила Пилотка.
– Песец, – ответил он. – Вот что.
– В смысле?
– В смысле полный! – дядя Женя взял кружку, зачерпнул воды из ведра и стал жадно пить, дергая кадыком и глядя на них из-за эмалированного краешка.

– Товарищу Ли Чжэньфаню, – сказал он напившись наконец, – можешь смело при встрече вырвать сердце и съесть.

Пилотка молчала, наморщив лоб.

– Все плохо? – спросила она.

– Все плохо, – кивнул дядя Женя. – Правому движку хана, забудь про него вообще... левый чистить...

Пилотка взялась за голову.

– Не знаю, где он эту хрень взял, но керосина там только половина, – сказал дядя Женя. – Всю топливную перебирать и... короче работы недели на две...

– Ну, блиин... – простонала Пилотка.

– Машина есть? – спросил Кровник. – Мотоцикл?

Дядя Женя хмыкнул.

– Есть или нету? – спросил Кровник.

– Ну, есть, – дядя Женя снял куртку и повесил ее на один из гвоздей в стене.

– Покупаю, – сказал Кровник, вставая. – Показывай.

Тот хрипло рассмеялся.

– Покупаешь?!

– У них «газон» старый, – сказала Пилотка хмуро. – Хлебовозка... Сарай на колесах... Утя на ней уехал...

Она повернулась к дяде Жене:

– Да?

– Ага... – кивнул тот. – Только он не продается...

– Все продается, – сказал Кровник.

– Все, – согласился дядя Женя. – А Петруша нет.

– Петруша?

– Хлебовозка. – пробурчала Пилотка.

– А... – сказал Кровник. – Понятно...

– Ты мент? – спросил вдруг дядя Женя.

– Нет, – покачал головой Кровник.

– Не мент он, – сказала Пилотка. – Дочка у человека больная, операция у нее послезавтра в Москве серьезная... В аэропорт их должна была, блин, а тут вон...

Дядя Женя смотрел на девочку.

– Помоги, дядь Жень, а?

– Я заплачу, – сказал Кровник.

– Заплатишь, заплатишь... – кивнул тот и замолчал.

– Дядь Жень...

– Да тихо ты! – раздраженно прервал ее тот. – Куда вы на Петруше уедете? На нем только и можно что до Свободного и обратно...

– До Свободного? – спросил Кровник. – Тут что, где-то рядом город Свободный?

– А ты слышал о Свободном? – спросил дядя Женя.

– Да, – сказал Кровник. – Я слышал о Свободном...

– Так вот, забудь все, что ты про него слышал, – сказал дядя Женя.

– Ладно, – кивнул Кровник, – Хорошо. Итак. Петруша не продается. Тогда, может быть, он согласится нас отвезти, куда нам надо?

Лысый как колено мужчина рассматривал капитана Кровника.

– Дядь Жень...

– Так! – он зыркнул на Пилотку, и та зажала рот обеими руками. – Во-первых, куда вам надо?

– Мне? – сказал Кровник. – Мне надо туда, откуда я могу сесть на самолет и полететь в сторону Москвы. Причем сегодня.

Дядя Женя повернулся к Пилотке:

– Это к Микки Маусу, не иначе...

Та согласно наклонила голову.

– Ближе все равно никого нет...

– Точно, – сказала она.

– Ууу!.. – покачал головой дядя Женя. – Это тридцать до Серы, потом в объезд кругом Свободного еще километров тридцать и плюс до Васи...

Дядя Женя прищурился в потолок.

– Сколько дашь? – спросил он.

– Тыщу, – сказал Кровник.

– Неее, – дядя Женя разочарованно развернулся к выходу.

– Две, – сказал Кровник.

– Пять!

– Да ты озверел! – сказал Кровник. – Ты такие деньги вообще видел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.